

ЭНДИ ДЭВИДСОН

В ДОЛИНЕ СОЛНЦА

ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ХОРРОР
ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
КОРМАКА МАККАРТИ,
ДЖО ХИЛЛА
И ЭНН РАЙС.

AMAZON

fanzon

Энди Дэвидсон
В долине солнца
Серия «Fanzon. Зона Икс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69415903
В долине солнца: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-189185-5

Аннотация

Финалист премий This Is Horror Awards, Bram Stoker Awards, Grand Prix de l'Imaginaire, Prix Bob Morane.

Преследуемый прошлым, Тревис Стилзуэлл проводит ночи в поисках женщин в барах Западного Техаса. То, что он с ними потом делает, не вызывает у него гордости – просто это на некоторое время успокаивает внутренних демонов.

После того, как однажды ночью Тревис встречается на пути таинственную бледную девушку, он просыпается в своем фургоне слабым и окровавленным – без признаков девушки, без воспоминаний о проведенной ночи.

Когда владелица мотеля Аннабель Гаскин предлагает ковбою работу, чтобы оплатить его проживание, он принимает ее предложение. Днем он чинит старый мотель, постепенно становясь частью жизни Аннабель и ее десятилетнего сына. Ночью, в пещере своего домика на колесах, он борется с

невыразимым голодом. Вскоре Аннабель начинает понимать, что Тревис не такой, каким кажется.

На другом конце штата седой техасский рейнджер охотится на серийного убийцу, и это приведет его к откровению, гораздо более чудовищному. Человек закона, он должен будет решить, как глубоко он погрузится во тьму ради справедливости.

И одной пыльной осенней ночью старое зло обретет новую жизнь – и новую кровь.

«Это больше "СТАРИКАМ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО", чем "КРОВАВЫЙ МЕРИДИАН" в спектре Маккарти – в нем есть Техас и жестокость, но детектива больше, чем вестерна». – GOODREADS

«Оказывается, есть пространство между "НЕЖНЫМ МИЛОСЕРДИЕМ", "ПРОПОВЕДНИКОМ" и "ГЕНРИ. ПОРТРЕТОМ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ". Это называется "В ДОЛИНЕ СОЛНЦА". Меня прожгло насквозь. И у него клыки на каждой странице». – Стивен Грэм Джонс

«Роман – твердый, как кремьень, великолепно написанный кошмар». – Лэрд Баррон

«Захватывающая смесь вампирского хоррора, рассказа о серийном убийце и полицейского процедурала. Монстры Энди Дэвидсона – как сверхъестественные, так и слишком человеческие, настолько продуманы, что вызывают сопереживание демонам, от которых мы обычно убегаем. Вот первоклассная история, которая захватывает наше внимание и заставляет предугадывать продолжение». – Дана Кэмерон

«Прекрасный кошмар. Книга, которая преследует, дразнит и принуждает. Она захватывает и затягивает вас, заставляет

хотеть дочитать каждую страницу так, как будто это последнее, что вы когда-либо прочтете. Любовь Дэвидсона и владение языком усиливают красоту сюжета и ужас, которого невозможно избежать, как только вы начнете читать. Это, плюс идеально написанные персонажи, заставляющие нас им сопереживать, делают этот роман обязательным для прочтения любым отважным поклонником хоррора». – Эрик Стори

«Роман – словно клинок ножа, произведение искусства – острое, пугающее и элегантно. Я восхищался прозой Дэвидсона, несмотря на то, что он напугал меня до смерти. Какая дикая поездка. Мне это очень понравилось». – Николас Майниери

«На первый взгляд, это прекрасно раскручивающийся триллер, читать который чертовски интересно, но проза Дэвидсона выходит за рамки жанра, как новая вещь Кормака Маккарти. Он связывает читателя с этими персонажами, которые отчаянно ищут потерянную невинность. Мы содрогаемся от того, что они делают и что с ними делают, и когда мы путешествуем вместе с ними сквозь разрывающую душу тьму, подчеркивающую блестящие тонкие нити радости, нас переполняют равно ужас и сострадание. Обязательно прочтите!» – Дана Чамбли Карпентер

«Богатая проза Дэвидсона погружает читателя в ад, еще более ужасающий своей банальностью – за пыльным мотелем в глуши (заросший бассейн и все такое) постепенно нагнетается атмосфера невыразимого зла. Психологический хоррор, триллер-процедурал и добрый старомодный вестерн хватают вас за горло и тащат по извилистой дороге, заканчивающейся ужасающим кровавым финалом». – Э. З. Рински

«В этом смелом, уверенном дебюте Дэвидсон переносит миф о вампирах в Западный Техас 1980-х годов, прекрасно передавая

атмосферу эпохи и места. Дэвидсон успешно разрушает границы между жанрами в сложном романе ужасов». – Publishers Weekly

«Это не типичный роман о вампирах, скорее это лирический современный вестерн с большой дозой саспенса. У каждого есть своя тайна, и никто не является невинным. История атмосферна, а сюжет и персонажи будут играть с умами читателей». – Booklist

«Роман овладевает одним из самых популярных тропов хоррора и ставит клише на колени, искажая устаревшие концепции продуманными и, осмелимся сказать, оригинальными способами. В результате получается сверхъестественный кантри-нуар, пахнущий Техасом и кровью, который хватает вас за горло и никогда не отпускает». – This Is Horror

«Безжалостный реализм Дэвидсона делает сверхъестественное совершенно шокирующим и почти неизбежным». – Horror Review

«Микс из "УДЕЛА САЛЕМА", "КРАСНОГО ДРАКОНА", "ГЕНРИ. ПОРТРЕТА СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ" и "СТАРИКАМ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО". Дэвидсону удалось взять все тропы вампиров и серийных убийц и обескровить их досуха». – darkmoondigest.com

«Литературный джаггернаут». – scifiandscary.com

«Это новая территория в фантастике ужасов». – Cemetery Dance

Содержание

Пролог	8
I. «Сандонер Инн»	23
Воскресенье	23
Понедельник	61
Вторник	93
II. Рю	98
Борго, Оклахома	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Энди Дэвидсон

В долине солнца

Посвящается Кристал

*Господи, не дай мне уснуть. Господи, там в моем
саду что-то ужасное, и мне бы уберечь от этого
своих ягнят. Господи, не дай мне уснуть.*

«Ночь охотника»

Andy Davidson

IN THE VALLEY OF THE SUN

By arrangement with Maria Carvainis Agency,
Inc. and P. & R. Permissions & Rights Ltd.

Translated from the English

IN THE VALLEY OF THE SUN

Copyright © 2017 by Andy Davidson

First published in the United States of America by Skyhorse
Publishing

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

© А. Агеев, перевод на русский язык, 2023

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Изда-
тельство «ЭКСМО», 2023

Пролог

Техас, 1980 год

Он сидел с черной соломенной шляпой на коленях в тесной и безмолвной темноте спальни. На кровати в голубом свете ночи лежала женщина. Обнаженная, хрупкая, бледная и миловидная. Взгляд ее широко раскрытых глаз, красных от лопнувших капилляров, был сосредоточен на потолке, где давно выцвело пятно от дождевой воды. Кожа у нее под челюстью побагровела. Снаружи пробивался рассеянный свет, а ветер царапал листьями юкки по металлическому корпусу трейлера. Он поднялся со стула, поднял плюшевого медведя с единственным блестящим глазом, которого прежде отставил в сторону. Где-то в глухой тишине Эльконы раздавалось тиканье часов. Он посадил медведя обратно в кресло, надел шляпу и оставил женщину в ее трейлере, припаркованном в сладко пахнущей можжевельной роще.

Он проехал из Фредериксберга на пикапе с кемпером триста миль без остановок. Солнце поднималось над пологими холмами и густыми рощами узловатых дубов, окутанных туманом. Пикап свернул на узкую асфальтированную дорогу на Рокспрингс, а затем на юг, пока не добрался до обшир-

ного зеленого водоема, за которым лежала Мексика. Отсюда он снова устремился на север, пронизывая простор пикапом, точно жалом. Он ехал наобум, не стремясь к конкретному пункту назначения. Дель-Рио, Комсток, Лангтри – к западу от реки Пекос, где шоссе выходило на необъятное, поросшее кустарником поле, простиралась подлинная пустыня. Сухие овраги змеились здесь, соединенные мостами, а внутри тлели на солнце звериные кости. Он ехал почти на предельной скорости, а когда мимо проносились большие фуры, держался обочины. По радио заливался Эрнест Табб¹.

Когда наступили сумерки, он заехал на заправку в заброшенном городе, где только ветер непрерывно стучал по металлу. Он стоял у насосов и курил, пока мальчишка в комбинезоне наполнял бак его пикапа. Солнце тускнело, отливая оранжевыми и розовыми оттенками, и он вытер выступившие на ветру слезы. Мальчишка был метисом, поджарым и мускулистым. При ходьбе хромал, хмурил лицо и общался без намека на хоть какую-то приветливость.

– Propano? – спросил он мальчишку. – Para mi caravana².

Мальчик покачал головой и сплюнул по ветру.

– Próxima ciudad³. Возможно.

Он дал мальчику три доллара, раздавил окурок ботинком

¹ Эрнест Табб (1914–1984) – американский певец в стиле кантри. – *Здесь и далее – прим. пер.*

² Пропан? Для моего трейлера (*исп.*).

³ В следующем городе (*исп.*).

и поехал дальше в сгущающуюся темноту.

В следующий раз он остановился ночью в придорожном баре к западу от города под названием Сьело-Рохо. Вывеска заведения, «Калхунс», светила над крыльцом красным неона, и в этом состояла единственная вычурность сего места, в остальном состоящего из шлакоблоков и жести, с облупившейся белой краской поверх выцветшей голубой. Выглядело оно довольно уныло, будто цеплялось за жизнь на этой опушке сухой мескитовой рощицы. Через дорогу от бара из одного конца ночи в другой тянулось множество железнодорожных путей.

Он припарковал пикап в луже света от дуговой натриевой лампы.

Мимо пронесся поезд – а он стоял и наблюдал, наслаждаясь его размеренным ритмом. Будто нож, этот поезд проделывал дыры в этой одинокой ночи.

Он вошел в бар выпить пива и обнаружил у задней стены, рядом с туалетами, подключенный музыкальный автомат «Вурлитцер», где рядом у переключателя была приклеена скотчем записка:

Рабочий. Выпуск 1963. Адм.

Хром уже облезал, в коробке зияла трещина.

Он огляделся вокруг.

Единственный, не считая его самого, посетитель сидел в углу. Это была старая abuela⁴ с сухим каменным лицом. На

⁴ Бабуля (исп.).

ней – тонкая шелковая блузка с бантом у горла. Она потянулась дрожащей рукой к стоящему перед ней стакану виски. Барменом был крупный белый мужчина с посеребренными волосами, он скучал за стойкой, разгадывая кроссворд погрызенным карандашом.

Здесь было прохладно, тускло и приятно.

Он заказал «Пёрл»⁵ за последние два доллара и бросил четвертак в «Вурлитцер». Набрал номер песни и уютно устроился в зале, прислонив стул к стене и положив ноги на стол. Опустил шляпу на лицо и растворился в наступившей темноте и умиротворении после долгой дороги.

Мужчина в коробке запел.

Музыка нарастала и затихала.

В темноте послышался запах лимона и ванили, возник изгиб белой икры под бледным хлопчатобумажным платьем, ее фигура – песочные часы. Казалось, само время ускользало прочь. Она перед панорамным окном, откуда открывался вид на мимозу, роняющую розовые лепестки на траву. Ее улыбка, медленно расплывающаяся ниже кобальтово-голубых глаз. Вода, застилающая окно и отбрасывающая тень на стену, точно воспоминание. Ее маленький красный проигрыватель под окном выцарапывает свою песню, а он, еще мальчишка, танцует с ней под крутящуюся пластинку, стоя босиком у нее на ступнях, она держит его за руки.

Их личная мелодия грустно разливается в его сердце.

⁵ Здесь: пиво производства одноименной тexasской компании.

Песня закончилась спустя три минуты.

Когда наступила тишина, у него в голове раздался голос. Женский, мягкий и чистый. Она произнесла его имя. «Тревис».

Он услышал, как звякнул четвертак, и открыл глаза, вернул шляпу на макушку и увидел женщину – но не ту, которую представлял. Ни одна не была той, но все подвергались сравнению с мечтой, с воспоминанием, и пока все оставляли желать лучшего. Эта стояла перед «Вурлитцером» в белом летнем платье в красный цветочек. Кожа у нее была белая, как кость, а волосы – рыжими, как благословение небес. Она нажала на кнопку выбора песни, обернулась и посмотрела на него большими зелеными глазами – и он увидел, что это была скорее девочка, чем женщина, лет семнадцати-восемнадцати. Но по осанке, по тому, как она, стоя перед автоматом, выглядела каким-то образом отрешенной от всего остального мира, она казалась много старше.

– Мне нравится эта песня, – сказала она голосом, который звучал у него в голове.

Мужчина снова запел из коробки ту же грустную трель.

Тревис убрал ноги со стола и опустил свой стул на все четыре ножки.

Она зажала подол платья между пальцами и начала раскачиваться. Затем закрыла глаза и запрокинула голову, обнажив длинную белую шею. Старая песня пронизывает ее, подумал Тревис, медленно, будто раскаленный провод. Он за-

метил у нее белый шрам, тонкий как лезвие, в том месте, где шея соединялась с плечом. На ней висел золотой медальон с овальной застежкой, из тех, в которые вставляются фото. Он сверкал в скудном свете бара. Темно-красные цветы на ее платье ниспадали с талии, будто...

*красная, на рубашке старика, красная, на сиденье
...кровь.*

Ее губы, легчайшего розового оттенка, шевелились, пронося слова песни, но никаких звуков она не издавала.

Какая у нее бледная кожа.

Его сердце забилося быстрее.

Она, покачиваясь, двинулась к нему. Ее красные кожаные ковбойки скребли по бетону.

Он скользнул правой рукой к пряжке кожаного ремня, провел большим пальцем по орлу – сначала по расправленным крыльям, потом по острым кривым когтям.

«Тревис».

Она распростерла руки, будто изображая распутившийся цветок, и скользнула ему на колено. Она устроилась на нем и дотронулась кончиками пальцев до его щеки прежде, чем он успел понять, что происходит, а почувствовав ее прикосновение – вздрогнул от холода ее пальцев.

Он потянулся рукой к ножу, который носил на бедре. Тот был боевой, в кожаных ножнах и с грубой рукоятью из железного дерева в форме орлиной головы, вырезанной под стать пряжке.

Она улыбнулась и сдвинула его черную шляпу повыше на макушку. Провела пальцами вниз от линии волос и вдоль кривого носа, задержалась на губах. Чувство от ее прикосновения было как от пробующего добычу змеиного языка.

Он сжал нож чуть сильнее.

Она обхватила его руку ладонью и надавила ему на запястье, будто меряя пульс, и слегка покрутила пальцы, будто подбирая шифр.

Разряд пронзил его, словно он тронул рукой электрическое ограждение. Он дернулся и опрокинул пиво – оно вылилось и растеклось по полу. Зрение застлали красные пятна, как если бы он посмотрел на солнце. Затем все побелело. Точно упал занавес, тонкая оболочка, сквозь которую мир выглядел тусклым, как пар после дождя, поднимающийся над горячей дорогой, или как его собственное дыхание, от которого запотевают лобовое стекло. Но в следующий миг все вернулось – так же резко, как исчезло. Только теперь он чувствовал себя медлительным и отупелым, будто не был больше собой.

Она приблизилась губами к его уху и прошептала:

– Я знаю, как тебя зовут, мальчик.

Ее дыхание было отвратительным, будто что-то в нем было не так, испортилось где-то в глубине.

С ним что-то происходило, что-то...

чудовищное

...переломное.

Не выпуская его руки, продолжая улыбаться, она подняла его со стула, и вот он уже выходил из-за стола, спотыкаясь, за ней вслед, не в силах противиться тому, как она вытащила его из бара в темноту. Старуха тем временем так и не отвлеклась от своего виски, а бармен не оторвал взгляда от кроссворда.

Мужчина в коробке все пел и пел.

Оказавшись снаружи, они плыли, взявшись за руки, будто подростки в каком-то фильме. За гравийной стоянкой бесконечно тянулось пустынное шоссе вдоль потемневших полей. Для него весь мир превратился в одну искаженную картину. Он едва чувствовал землю под ногами, а звезды на небе мерцали и расплывались, становясь длинными и прямыми линиями света, будто само время вытягивалось до предела. Она рассмеялась и сжала его руку. Он медленно перевел взгляд на свой «Форд», припаркованный в луже оранжевого света рядом с кустами на краю парковки. На кузов, нагруженный его «Роудраннером». На свой крошечный жалкий...

дом

...кемпер.

Она взяла его под руку.

– Покажешь мне?

Каждое ее слово загибалось, будто краешек горячей бумаги, и улетало в ночь, становясь звездой на небе.

– Покажи мне то, чего не видели другие.

– Другие, – повторил он. Слово прозвучало будто из глубокого пустого колодца.

Она сжала его руку сильнее, и он почувствовал в ней неожиданную силу.

«Не девочка, – подумал он. – Что-то другое».

– Покажи мне, убийца, – сказала она, снова приблизившись к его уху, и на этот раз он узнал запах – красный металлический запах, который он чувствовал еще мальчиком, когда его отец наклонялся над его кроватью, чтобы пожелать ему спокойной ночи после смены на скотном дворе.

Она села на металлическое крыльцо кемпера, раздвинула ноги и легонько провела пальцами по бедрам, задирая подол платья. Он увидел голубую паутинку вен на мягкой бледной плоти.

Услышал, как в них пульсирует кровь.

– Я хочу посмотреть, – сказала она. – Где ты спишь. Где ешь.

Она разгладила платье – он удивился тому, как ее руки не покрылись кровью от прикосновения ко всем этим цветам, – и поднялась. Она медленно, лениво обошла его кругом, а он поворачивался за ней, но никак не мог догнать. Затем пошатнулся. Посмеялся над собой. Она ускорила шаг, сделала еще круг. И еще. Он старался не выпускать ее из виду, она оставалась на краю поля зрения, но все время ускользала. Гравий хрустел у нее под ботинками, точно крошечные кости. Его ноги слабели. Голова кружилась. Еще круг. И еще. По-

ка она не превратилась лишь в проблеск, напомнив ему старомодную машину, которую он ребенком видел на ярмарке, где сквозь проем в форме скачущей лошади сверкала молния. Он опять пошатнулся, опустился на колени и завалился назад. Все вокруг исчезло, а когда вернулось – ее лицо заполняло весь его обзор. Она наклонилась над ним, упершись руками себе в колени и быстро, неглубоко дыша, словно ребенок, запыхавшийся от веселой игры. Звезды за ее спиной продолжали вращаться.

Она оглянулась через плечо на его кемпер.

– Вынь ключ и открой дверь, – проговорила она между вдохами, смахнув волосы с лица.

Он сунул руку в карман под собой и нащупал брелок в виде кроличьей лапки и два ключа. Черный клочок пуха и металл – брелок напомнил ему, что он по-прежнему часть реального мира. Она протянула руку. Он принял ее и в следующий миг уже стоял на ногах, будто его подняло сильным порывом ветра. Он сделал шаг в сторону, с трудом сохранил равновесие.

– Черт, – проговорил он. Затем почувствовал, как ее пальцы переплелись с его, и вот уже он мог стоять, не боясь упасть. Их руки слились в одну.

«Ну давай, вперед», – сказала она.

Только она не произнесла этого вслух, так ведь?

Он достал ключи, и вместе они преодолели небольшое расстояние до кемпера, затем ключ отыскал замок и плавно

вошел.

Дверь открылась наружу.

Он отступил назад, и ее руки в его вдруг не оказалось.

Тревис осмотрелся по сторонам.

Он стоял один.

Ее нигде не было.

Воздух на миг похолодел, и он увидел пар от своего дыхания.

Пришлось ухватиться за ручку двери, чтобы устоять на ногах.

Он слышал смех – будто перезвон музыкальной подвески в летний день.

Справа он увидел фигуру.

Она стояла в дюжине футов, на границе света лампы, чопорно сцепив руки за спиной. Она словно была там всегда, изгибая губы в легкой холодной улыбке, в белом платье, всем в...

крови

...цветах.

В темноте пронесся сдавленный вой молодого койота.

Ему ответил другой.

– Кто ты? – спросил он у нее.

Она подошла поближе, покрыв расстояние между ними одним шагом. Он знал, это произошло на самом деле, хотя и не имело никакого смысла, а напоминало больше потерянный отрывок записи на пластинке, когда игла перескочи-

ла канавку: это было неважно, песня продолжалась все равно. Она протянула руку ему за спину. Провела указательным пальцем по ярлыку с буквами на задней части его ремня. Прошептала каждую букву: Т-Р-Е-В-И-С. Но ее губы не шевелились – только расплывались в ухмылке все сильнее. Затем она вскинула острый подбородок к ночному небу, к тонкому серебряному месяцу, и он на секунду подумал, что она сейчас завоет. Но она только сказала:

– Меня зовут Рю.

– Рю, – повторил он низким голосом. – Откуда у тебя такие зубы, Рю? У тебя их, наверное, тысяча...

Она поцеловала его. Когда их губы соприкоснулись, он вмиг почувствовал, будто прикоснулся языком к батарее или к ледяному кубику, или к влажному комку вонючей земли.

Она легко поднялась на металлическое крыльцо и вошла в тесное пространство кемпера, все время улыбаясь, и он в последний раз взглянул на нее оттуда, где стоял, под звездным небом. Она же обернулась и исчезла в темноте кемпера. Мелькнула только белая ножка и изгиб икры, острой, как коса, и уходящей в красный пенек ботинка.

Он посмотрел на звезды.

– Тревис, – позвала она нежно, невидимая в черной пасти кемпера. – Иди ко мне. Прошу тебя.

«На этот раз, – подумал он, – на этот раз все, может, будет по-другому. Она не та, но я это знаю. Я это знаю, и поэтому все будет по-другому».

Он поднялся по ступенькам и закрыл дверь.

И снова остался один.

Оранжевый свет лампы сочился сквозь крошечные окна. Тени выливались из всех углов и шкафов из ламината. Воздух стоял спертый. Он слышал звон пустого стакана в раковине – кемпер застонал и смолк. Он не шевелился. Прислушался. Повисла тишина, как в бамбуковом лесу, подумал он, высоком и густом, где не видно неба, и только тяжелая артиллерия сотрясает землю где-то далеко, и звуки боя затухают, а слышно лишь птиц и его собственное колотящееся сердце. Однажды он, инстинктивно бросившись бежать, попал в подобное место, и с тех пор этот инстинкт распространяется по его телу, будто разливающееся чернильное пятно.

В красном неоне, разлитом по алюминиевому обеденному уголку, из теней возникли две бледные руки и подтянулись к столу. Тогда он увидел и ее всю – она уселась в темном углу. Он вдруг вспомнил, как в детстве ездил в зоопарк Форт-Уорт, где был белый тигр, который смотрел на них с отцом со своего лежбища в тени, положив одну свою белоснежную лапищу на другую. «Я могу тебя съесть, если захочу, – говорил тот взгляд. – В любой момент».

Когда Рю заговорила из темноты, ее голос как-то изменился.

Он стал ниже, злее.

В нем ощущался голод.

– Я знаю тебя, Тревис. Я за тобой следила. За тобой и тво-

ими милыми девчонками, а все девчонки следили за тобой. Ты показывал им, что они хотели увидеть, а они хотели тебя. Впускали тебя в свои постели. Но не в сердца.

У него закружилась голова, будто она ковырялась у него в мозгах пальцами, выискивая его тайны.

– Разве тебя они хотели на самом деле? – продолжила она. – Его. Незнакомца, который крадет твое лицо.

У него подкосились ноги. Он прислонился к шкафу и соскользнул на пол, вытянул одну руку и ухватился за ручку шкафа. Увидел, как ее бледные пальцы скрываются в тени, и в наступившей тишине ему показалось – он был готов поклясться, что это произошло на самом деле, – что он услышал влажное чмокание тигриных челюстей. Собственное сердцебиение отдавалось у него в голове, подобно барабану. Потом донесся слабый, далекий отрывок песни из «Вурлитцера» в баре: дуэт мужчины и женщины, интенсивный звон ксилофона.

– Печальная улиточка. Ты носишь свой дом на спине.

Теперь она склонилась над ним, обхватив его руками и подняв с пола, будто он был ребенком. Медальон у нее на шее коснулся его щеки.

Он почувствовал, как к горлу подступил крик. Этот крик нарастал в нем годами, всю его жизнь, с тех пор, как он мальчишкой увидел пятно крови у отца на майке, наутро после того, как его мать ушла навсегда – и вся ее музыка сгорела, превратилась в кучу расплавленного пластика, – но то, что

вырывалось из него, когда он раскрыл рот, боясь, что его связки не выдержат силы такого крика, явилось лишь жалким, едва различимым стоном.

– Знаю, – прошептала она. – Знаю. Но теперь тебе нечего бояться. Ты же такой особенный. Такой важный.

Она крепко прижала его к себе и каким-то образом подняла на узкую спальную полку, уложив в его же постель, где сняла с него шляпу и легла рядом, баюкая. Когда она мягко прижала его щекой к груди через легкое платье, ему вспомнились все старые песни – что она играла, что любила, и как он танцевал с ней, встав своими босыми ступнями на ее.

– Ни одна другая женщина не знала столько ни о мужчине, ни о ребенке, ни о незнакомце по имени Тревис Стиллвелл, – сказала Рю, приглаживая рукой его волосы. – Мы родственные души.

Его трясло так, как он не чувствовал уже очень давно.

– Мы родня.

Она скользнула рукой к его ножу, сомкнула пальцы вокруг орлиной головы, а когда вытащила лезвие из ножен, он увидел его блеск в оранжевом свете, просочившемся из треснувшего окна над его спальным местом.

– О, Тревис, – сказала она. – Мы найдем все, что потеряли. Он закрыл глаза, предавшись ее последнему обещанию.

I. «Сандонер Инн»

Воскресенье

5 октября

Мальчик сидел в церковном костюме на ступеньках фермерского дома с белым кроликом на коленях. Он крутил зверька в руках, прижимал к себе, то и дело выглядывая из широкой утренней тени крыльца на травянистый холм, где теперь стояла его мать, спиной к нему, ветер теребил подол и рукава ее воскресного платья с желтыми птичками и синим кружевным воротником. Она стояла прямо, напоминая стальной стержень, неподвижный и нестигаемый.

Чуть ранее женщина с мальчиком вместе выглядывали из дома, из-за закрытой сетчатой двери. Пристально всматривались. На пикап, припаркованный на гравийном участке за мотелем. С кемпером на кузове. Кемпер был покрыт оранжевой дорожной пылью, по окошку тянулась длинная трещина, заклеенная изолентой. За мотелем, «Сандонером», стояло еще шесть зарядных пунктов для трейлеров, и все, как и сам мотель, были пусты.

Женщина приобняла мальчика.

– Оставайся тут, – сказала она ему. – И не спускайся, пока не позову. – Она значительно посмотрела на сына, и он кивнул. В руке он держал красный пристежной галстук, воротник его рубашки был туго застегнут. Затем мать чмокнула его в макушку и, толкнув дверь, вышла. Спустилась по холму решительными, широкими шагами.

Мальчик пробежал через весь дом и выскочил на задний двор, миновал бельевую веревку, старую мельницу и бак с водой, после чего очутился в темном сарайчике с жестяной крышей, где в клетках на столе, который его отец сделал своими руками, сидели два белых нидерландских карликовых кролика. Оба грызли стебли свежей капусты. Мальчик достал из клетки самочку – теплую, размером с ладонь – и прошел за угол дома, а когда увидел мать у подножия холма, то уселся на крыльцо и стал ждать, держа кролика поближе к себе.

«Почему именно сегодня? – подумал мальчик и провел по кроличьей шерстке. – Ей лучше не принимать ничего на веру. Там может оказаться любой подонок».

Мать вернулась из редкой бурой травы и, увидев мальчика с кроликом на ступеньках, помахала рукой.

Мальчик помахал в ответ.

Аннабель Гаскин стояла в шалфее у мотеля, одной рукой прикрывая глаза от утреннего солнца, а второй сжимая и раз-

жимая складку платья у себя на боку. Ветер гонял по шоссе и равнинам перекасти-поле и собирал их, будто заблудших кур, под кирпичным козырьком старой заправки, которая использовалась как офис мотеля и кафе. Фермерский кот – рыжий, полосатый, с обрубленным хвостом и слезящимися глазами – сидел на бетонном островке перед насосом и вылизывал себе лапу. На крыше заправки возвышалось то, что сохранилось от крылатого коня – белого бетонного пегаса; на правой задней ноге чуть выше копыта осталась почти одна арматура. В длинной утренней тени – только стоянка для фургонов и пикап с кемпером.

Аннабель отвернулась от пикапа на запад, где плыло над низкими сухими холмами облако, цветом напоминающее синяк. Дождя в долине не было уже целую вечность: огромные грозовые тучи каждый раз рассеивались на западе и на юге, так и не добираясь сюда. Как там сказал старый пастор три недели назад, взяв дрожащую руку Аннабель в свою?

«Не бойся, *robrescita*⁶. Все обновится. Все смоем водой».

Аннабель снова посмотрела на пикап. Стиснула ткань платья, прикусила губу и с досадой подумала, что вся ее жизнь состоит из череды каких-то забот. В основном связанных с глупостью мужчин. Тех, кто обещал ей покой, точно его можно было достать с неба, а не создать своими руками, своим сердцем. Она отпустила платье и разгладила ткань. Обернулась на сына через плечо. Аннабель увидела,

⁶ Бедняжка (исп.).

что мальчик держит кролика, и поняла, что он встревожен, и хотя она помахала ему с улыбкой, а он помахал в ответ, она чувствовала: беспокойство сына холодком окутывало ее саму. Но ей некого было прижать к груди, чтобы согреться, пока она пересекала поляну. Она постучала в дверь кемпера.

Тревис Стиллуэлл очнулся от сна о пустых комнатах в ветхом доме, где открытые двери вели лишь во тьму, а в коридоре пахло свежей землей и керосином. Не вставая со своей узкой полки, он приподнялся на локте и вытянул ноги в носках за край матраса, легонько коснувшись макушкой металлического потолка. Все вокруг выглядело тусклым, размытым. У него стучало в висках, будто от похмелья. Закашлявшись, он ощутил во рту неприятный привкус, точно от мелочи, и сплюнул на линолеум сгусток красной мокроты размером с четвертак. На пару мгновений присмотрелся к нему, после чего достал пачку сигарет, которую носил в правом нагрудном кармане своей фланелевой рубашки. Кроме рубашки и носков, на нем ничего не было. Джинсы висели на открытой дверце шкафчика. Он вытряхнул сигарету и взял ее губами, вслед за тем потянулся к джинсам, где в переднем кармане держал пластиковую зажигалку.

Тревис увидел размазанное красное пятно от костяшек пальцев его правой руки к сгибу большого и указательного пальцев. Он бросил пачку сигарет и повернул кисть ладонью к себе.

Та, как и нижняя сторона пальцев, оказалась вся липкая от крови. Под каждым пальцем темнел полумесяц ржавчины. «Кровь».

Он пошарил рукой в тусклом свете. Казалось, он пребывал в кошмаре человека, совершившего что-то страшное. «Это был не сон», – понял Тревис. Текстуры были слишком резкими, слишком грубыми. В горле же будто ощущалась мелкозернистая наждачная бумага.

Воздух в кемпере был разреженный, затхлый. Тревис слышал собственный запах – застарелого пота, спиртного, сигарет и...

смерти

...крови.

«Господи», – промелькнуло у него в голове.

В груди поднялась паника: что случилось прошлой ночью?

«Прошлой ночью, прошлой ночью».

Он лихорадочно размышлял, сжимая и разжимая ладони.

Он не помнил. Прошлая ночь зияла у него в памяти черной дырой.

С незажженной сигаретой между губами, забыв о зажигалке, он скатился с койки и спрыгнул на пол.

В ноге выстрелила яркая, пронзительная боль.

Тревис закричал, пошатнулся – пикап с кемпером тоже закачались.

С крючка над плитой свалился металлический котелок.

Пришлось выставить руку, чтобы не упасть, оставив красный отпечаток на белом винуле обеденного сиденья. Здесь, у окна буфета, свет был ярче – хотя сквозь тонкие шторы он видел лишь бетонное строение выцветшего розового цвета. Все еще сжимая во рту сигарету, он поставил ногу на сиденье и осмотрел ее. У него резко выступил пот, когда он увидел, что внутренняя сторона бедра до самого колена была ржавая, будто в его собственной засохшей крови. Между ногой и пахом плоть распухла и покраснела, на коже стояло шесть проколов, выстроившихся красным полумесяцем, все неглубокие и затянутые коркой. Под ними – один грубый разрез дюймов двух в длину.

Улыбающиеся розовые губы.

Тревис надавил на рану пальцами. Плоть горячо пульсировала.

Он огляделся вокруг. Кроме него, в кемпере никого не было. Что бы ни оставило этот след, что бы ни привело его сюда – где бы он ни находился, – оно ушло вместе с утренним сном, поглощенное нарастающей волной света снаружи кемпера.

Он вытер пот со лба тыльной стороной руки.

Согнулся, упершись в колени.

Почувствовал, как колотится сердце.

Тревис вынул сигарету изо рта, встал и два раза плюнул в раковину – тоже красным. Опять опустился на сиденье. Взял сигарету в рот, потом снова вынул, рассмотрел – и увидел на

ней кровь, заметил на фильтре отпечатки пальцев. Разломал сигарету и выбросил прочь.

Уставился на порез у себя на ноге.

Снова к нему прикоснулся.

Сказал вслух:

– Все, что я когда-либо потерял.

Он понятия не имел, что означали эти слова, но за ними он ощущал некую пустоту.

В тесном туалете в задней части кемпера он достал из чемоданчика флакончик с антисептиком. Поставив ногу на унитаз, намазал рану красновато-бурой мазью. А когда закончил, уже не мог различить – где лекарство, а где кровь. Закрыв флакончик крышкой, хотел поставить его на край раковины, но руки дрожали так сильно, что бутылочка свалилась с унитаза и пролилась на пол. Он оставил ее на полу и попытался включить горячую воду. Ничего не вышло: не осталось ни зарядки, ни запаса воды. Он попытался вспомнить, что было до этого утреннего сна. Ночью накануне. До того, как он уснул. До...

нее

...того, как очутился здесь.

Она.

Кто?

Он поднял глаза и увидел свое отражение в зеркале над раковиной.

Тревис вскрикнул и отпрянул, глухо стукнувшись спиной

о деревянную обшивку тесного туалета.

Зеркало было разбито, в трех местах зияли трещины, и в осколках он увидел то же лицо, что видел всегда – «того, кто крадет мое лицо». Острые скулы, квадратная челюсть, ввалившиеся глаза – тот самый незнакомец, который будто всегда смотрел на него в ответ, ища глазами Тревиса что-то утешительное, чего никогда не найти. Но сейчас, слава богу, он видел что-то новое, отвратительное, как кровь у него на руке и ноге, как металлический привкус во рту. Плоть была тонкая, как соскобленная краска. Отражение, казалось, то ли мерцало, то ли трепетало, будто на грани света. От его странности и неестественности Тревису стало не по себе. Он отвернулся, а когда посмотрел снова – понял, что оно было как бы прозрачным: он мог видеть сквозь это отражение обшивку «под дерево», к которой в ужасе прижимался спиной.

И свои глаза.

Господь всемогущий, что у него не так с глазами?

Он выскочил из туалета с колотящимся сердцем, вкус меди во рту вдруг стал нестерпим, захотелось вырвать. Тревис полез за кружкой дистиллированной воды, что держал под кухонной раковиной. Откинул голову назад, выпил и сплюнул, не глотая. Еще раз выпил, еще раз сплюнул. Желудок скрутило. Он вылил воду себе на лицо и постоял, пока она стекала, с закрытыми глазами. Кровь с его рук, побежав по пластиковой кружке, закапала на пол.

– Тс-с, – сказал он себе.

Тс-с. Тс-с. Тс-с.

Спустя некоторое время, когда дыхание выровнялось, а желудок больше не метался из стороны в сторону, он открыл глаза и оглянулся на свою спальную полку. В кемпер проник утренний свет, озарив арку металлических стенок, и на них Тревис наконец увидел кровь – пятна, высохшие в форме отпечатков растопыренных ладоней. Левая рука, крупная, мужская, его рука. Правая, меньше, с узкими заостренными пальцами, женская...

«Что ты наделал?»

Кровь на простыне, пятна на поролоновом матрасе.

«Я не, я бы не...»

Кровь на сбившемся в изножье стеганом одеяле, старом и потертом. Лоскуты с изображением роз, кактусов и больших белых месяцев – все пропиталось красным.

«Только не так, нет. Столько крови, не так...»

Тревис отставил кружку воды и снял свои джинсы с дверцы шкафа рядом с койкой. Ножны были закреплены на поясе, однако ножа в них не оказалось...

«Тела нет. Два, три, сколько их, но только не так...»

Он натянул джинсы и, подняв глаза на полку, увидел: его боевой нож торчал из потолка над матрасом, рядом с открытым люком. Он поднялся на пару ступенек лестницы, осторожно, чтобы не нагружать раненую ногу, и выдернул нож из металла. Перевернул его в руке, наклонил, рассмотрел.

На лезвии – засохшая кровь.

Порез у него на бедре.

«Это разве я? Это все я?»

Он вставил нож в ножны и ухватился за лестницу обеими руками, так что костяшки пальцев побелели. Его колотило, будто в агонии. Он сунул правую руку в рот и прикусил, крепко вгрызся в мягкую плоть у основания большого пальца.

«Покажи мне, – словно услышал он. Женский голос. – Покажи мне, убийца».

В дверь постучали.

Он укусил сильнее, с трудом сумев не закричать.

Аннабель постучала три раза и осталась ждать. Ветер развеивал ее платье и волосы. Тишина вокруг кемпера казалась ей неудобной. Будто из темных окон за ней следили. В сознании зазвучал голос, причем не ее. Он выпрыгнул, точно кошка, – голос пожилой женщины, огрубевший от сигарет, с затяжным предсмертным придыханием: Нинни. Это был голос ее матери, и за ним – черед резких хрипов, что она издавала вместо смеха в последние свои дни. За хрипами последовал прерывистый кашель и резкое шипение кислорода.

– Нинни, – пробормотала Аннабель сама себе, будто взвешивая это слово, оценивая его.

«Нет, – подумала она. – Не сегодня».

Она шагнула вперед и стукнула еще раз, громче, затем отступила на три шага назад.

Кемпер покачнулся.

Изнутри донесся скрип ботинок, лязг пряжки на ремне.

Ветер смахнул волосы Аннабель на лицо. Она собрала их в пучок сзади и выжидающе скрестила руки на груди.

Когда дверь открылась, за ней возник высокий худощавый мужчина с мутным взглядом. Моложавое лицо, высокие скулы. Запавшие глаза, трехдневная щетина и вихор с ручки сковородки. Она бы дала ему лет тридцать, плюс-минус. Он был в джинсах и плотно застегнутой джинсовой куртке с овечьим воротником. Под ногтями на левой руке запеклась темная грязь. Он стоял босиком.

Аннабель не стала дожидаться, пока он заговорит.

– Зарядка и электричество стоят десятку за ночь, – сообщила она. – Хотите остаться еще, платите наперед.

Он прикрылся рукой от утреннего солнца и, сощурившись, глянул на нее.

Она думала сказать что-нибудь еще, задать вопросы, потребовать ответов, но не стала. Вместо этого просто стояла и ждала. Позволила ветру заполнить тишину между ними.

Когда он наконец заговорил, его голос оказался на удивление низким, но при этом мягким, почти как детский лепет.

– Что это за место?

Она стала было отвечать, но умолкла. Мужчина начал отступать от порога в тень, будто стремился укрыться от света. Он обхватил себя руками, хотя и был в куртке. Глаз он не поднимал.

– Мой мотель, – ответила Аннабель.

Он взглянул на нее, встретил ее взгляд, затем двинулся мимо нее, к дому на вершине холма.

– Какой сегодня день? – спросил он.

«Алкаш, – подумала она. – Остановился где придется».

– Сегодня воскресенье, – сказала она.

– Сколько я уже тут?

– Баксов на десять простоял, – ответила она.

В эту минуту сильный порыв ветра подхватил застарелый запах пота и сигарет и выгнал его из кемпера, накрыв Аннабель будто одеялом, так что ей пришлось отвернуться и сглотнуть ком в горле. Когда она повернулась обратно, мужчина уже совсем отступил во мрак кемпера. Она наблюдала через открытую дверь, как он роется в шкафчике у себя над головой. В этом кемпере, похоже, было совсем тесно. Она увидела грязную посуду в раковине и одежду, развешанную на открытых дверцах шкафов. Учужала плесень. Различила занавеску, отделяющую спальное место, из голубой простыни и бечевки, натянутой между двумя шкафами. Ткань была тонкой и выдавшей виды. Наконец мужчина достал из шкафчика над раковиной банку из-под кофе. Открыл ее и высыпал содержимое на плиту: там оказалась пара банкнот и горсть монет, большинство из которых очутилось на полу или под плитой.

«Не может быть, чтобы взрослый мужчина на это жил».

Мужчина несколько мгновений пристально смотрел на

мелочь. Затем поводил их пальцем и сообщил Аннабель:
– Мне не хватит заплатить.

Мальчик вернулся из сарая за фермерским домом, стряхивая с брюк белый мех. Он увидел, как его мать с мужчиной из кемпера проходили перед мотелем, из тени крылатого коня на свет, согнав рыжего кота с его места на солнце возле насосов под дощатым настилом. Она помахала ему еще раз, так что крольчиху пришлось вернуть обратно в клетку. Он скормил обоим зверькам еще капусты и еще по половине стебля сельдерея через лючок с боковой стороны клетки. Теперь он прислонился к заднему бамперу маминого фургона, припаркованного на дорожке у дома. Он наблюдал, беспокоясь о том, что происходило в мотеле без него.

Мама с мужчиной из кемпера остановились у бассейна – или того, что когда-то было бассейном, пока несколько месяцев назад, когда она с Диего, поваром из кафе, не заполнили его ржавыми качелями, сломанными кондиционерами и кучей снесенных бурей водосточных желобов.

Мужчина из кемпера был похож на ковбоя. В черной шляпе и черных ботинках, он стоял рядом с Аннабель у бассейна. Высокого роста, он смотрел вниз, слушая Аннабель. Они стояли почти в самой тени большого указателя мотеля на шоссе. Незнакомец выглядел как человек, который странствовал по пустыне без лошади, зарыл сокровища где-нибудь на сухом пыльном кладбище, где на надгробиях сидели во-

роны, а в петлях на длинных кривых ветвях висели скелеты. «Как в тех фильмах, – подумал мальчик, – где все говорят по-английски итальянскими губами».

Мальчик пришел в немалое волнение, когда увидел у незнакомца на бедре длинный нож.

– За ночь-другую как раз расплатитесь, – сказала Аннабель. – Металлолом можете свалить вот в тот контейнер возле офиса. Один парень из города мне за него заплатит. А просто мусор – бросайте на помойку.

– Откуда мне знать, что тут мусор, а что нет? – спросил мужчина.

– Все, что не из металла, – мусор, – ответила она. – Там за мотелем есть туалет, если понадобится метла или что-то такое. На двери замок, но он сломан.

– Насосы еще работают? – спросил он, указывая на заправочный островок сразу за козырьком офиса.

Она покачала головой.

– В какую сторону тот город? – спросил он.

Она указала на запад.

– Минут десять.

Оба посмотрели в том направлении.

– И никакой выпивки. Надеюсь, это понятно, – заявила она. – У меня маленький сын.

Мужчина кивнул, посмотрев на солнце, поднимающееся в ярком октябрьском небе.

Аннабель проследила за его взглядом и увидела, что темные облака на западе уходили прочь.

С холма донесся сигнал ее фургона. Мальчик выглядывал из окна со стороны водителя и стучал рукой по крыше.

– Мам, опоздаем!

Аннабель подняла руку, показывая, что слышит его.

– Меня зовут Аннабель Гаскин, – сказала она мужчине. – Это Сэнди. Ему десять.

– Тревис Стиллзуэлл, – представился мужчина. Затем, не предложив рукопожатия, отступил от нее к краю бассейна. Он уселся на корточки в тени ржавой металлической вывески с названием мотеля, «Сандонер Инн». Неоновые трубки ее потемнели.

«МОТЕЛЬ. КАФЕ. КЕМПИНГ. БАССЕЙН, – сообщала вывеска. – ВАШ ДОМ ВДАЛИ ОТ ДОМА».

– До города я потом подброшу, – сказала Аннабель Тревису в спину. Когда он не ответил, она повернулась и пошла к дому, где мальчик уже завел фургон и бросил расстегнутую сумочку матери на сиденье. Она открыла водительскую дверцу и уже хотела залезть в салон, когда решила обернуться на склон. И увидела, что мужчина, не вставая с корточек, ухватился за ржавую пружину от матраца. Он тянул за нее, но та не поддавалась. Он отпустил.

– Кто это, мам? – Сэнди высунулся из водительского окна и оперся локтями о подоконник. Утренний ветер трепал кончик его галстука.

Аннабель занесла руку за голову и развязала пучок. Волосы упали ей на плечи, и их тут же разметал ветер.

– Просто какой-то мужчина, который не может заплатить за заправку.

– И ты заставила его чистить бассейн? Будем опять его наполнять?

Аннабель не ответила.

– А этот нож ему нужен, чтобы очистить бассейн?

– Не знаю, – ответила она и отбросила волосы с лица, серьезного и красивого, но не лишнего морщин от той жизни, что вела в этой пустыне. – Мужчины иногда носят ножи.

Когда женщина с мальчиком уехали на фургоне, Тревис вернулся в кемпер. Он закрыл за собой дверь и встал перед раковиной, уставившись на простыню, которую набросил на бечевку, чтобы скрыть свою койку. Затем снял джинсовую куртку, оставшись с голым торсом, и бросил ее на обеденное сиденье. Запах в кемпере стоял металлический, было пыльно. Утренний свет донимал его, точно застрявшая в глазнице стрела. В горле пересохло. Было жарко. Бедро горело, нога немела. И, несмотря на застарелый металлический привкус во рту и накатывающую тошноту, он испытывал голод. И сильный.

Тревис подошел к столу, где держал банку арахисового масла и пачку соленых крекеров. Он открыл пачку и макнул один в масло. Крекер сломался, он вытащил его и высыпал

крошки в рот, пережевал, а потом облизал...

голод, какой голод

...пальцы дочиста.

Взял еще крекер и тоже сунул его в банку...

голод, что за голод, огромный, как пустыня, как небо

...и съел его. Пожевал, проглотил. Бросил крекеры на пол и залез пальцами прямо в масло, зачерпнул немного и сунул в рот.

У голода, казалось, не было ни конца, ни края.

Пожевал, проглотил.

Насытиться было невозможно.

С подбородка стекла струйка коричневой слюны.

Он поднял глаза и увидел собственный кровавый отпечаток...

красный язык облизывал разрезанную грудь

...на подушке кухонного сиденья.

Его свело чудовищной судорогой.

Банка арахисового масла упала на линолеум.

Тревис прислонился к столу, сполз на пол и свернулся калачиком, а потом его вырвало. Он перекатился на спину и лег, не шевелясь. Вскоре судороги прошли, но он все равно оставался на полу и дрожал, совершенно потерявшись во времени.

«Что со мной происходит? – снова и снова спрашивал он сам себя. – Что, Господи Боже?»

Тревис лежал рядом со своим спальным местом, которое

располагалось над шкафом, таким же длинным и широким, как сама полка. Его дверца – из прессованного картона с ламинированной древесиной и пластиковой ручкой – криво висела на уровне пола. Что-то в шкафчике глухо стукнуло, и дверца приоткрылась.

Весь в собственной слюне, Тревис перекатился и, перенеся вес тела на правый локоть, устоялся на дверцу.

Стук раздался еще раз.

Гаечный ключ в ящике с инструментами?

«Или, – подумал он, – это голод рвется наружу?»

Он закрыл глаза.

В голове у него вновь послышался женский голос, который он слышал до этого утром, – он раздался шелестом шелка о кожу: «Что ты видишь, Тревис, когда остаешься один в темноте? Что ждет тебя в шкафах твоих пустующих, гниющих комнат? В тех местах, которых не помнишь, в тех снах, которые хочешь забыть...»

Теперь, по-прежнему не открывая глаз, он увидел клетку со стальными прутьями – и что-то большое и страшное в самом дальнем и темном углу. Что-то...

мимолетное

...чудовищное. Он слышал, как оно дышит, низко, глубоко, и он знал, что если откроет глаза – то увидит его, там, в шкафу. Оно выползет на свет.

«Не буду смотреть», – решил он.

«Посмотришь, – произнес женский голос. – Посмотришь,

и тебе это понравится. Т-Р-Е-В-И-С».

Он пнул дверь – та захлопнулась.

После этого встал и, убрав простыни с матраца, завернул их в одеяло. Намочил тряпку и вытер кровь со стенок и потолка спальной полки – точно так же, как вымыл руки, когда к нему постучалась женщина, с жидким мылом и водой из канистры, которая хранилась под раковиной. Тряпки, вместе с одеялом, простынями и бумажными полотенцами, которые он использовал, чтобы вытереть рвоту, он засунул в черный полиэтиленовый мешок и завязал его. Потом выбросил мешок на помойку.

Позднее, надев чистую белую футболку, джинсы и шляпу, вышел в тень кирпичного козырька перед офисом мотеля, где стояла и ржавела пара неработающих насосов. Он прятался от солнца, наблюдая за тем, как оно поднимается по небу. Выглянул в бассейн, забитый перекасти-полем и выброшенными обломками чьей-то жизни. «Некоторые пространства следует опустошить», – подумал он. Извлечь из них вещи, как воспоминания. И если они не нужны – выбросить.

Вниз по дощатому настилу, где начинался ряд из шести домиков мотеля, откуда-то явился рыжий кот без хвоста и сел, с прищуром уставившись на него.

– Привет, котик, – сказал Тревис.

Кот отвернулся.

Он низко надвинул шляпу и, не обращая внимания на боль в бедре, на мигрень, на беспокойный желудок, думая,

что больше всего ему сейчас требовалось лишь время – время извлечь из памяти последние свои двадцать четыре часа и, возможно, это место могло ему в этом помочь, Тревис вышел из тени козырька и принялся за работу в бассейне.

В десяти милях, в убежище Божьего домика Сэнди Гаскин стоял между поваром Диего и его женой Росендо. Мальчик держал псалтырь и пытался водить пальцем по строчкам, но стихи были на испанском, а он читал по-испански слишком медленно, поэтому старался поспевать как мог, проигрывая у себя в голове припев старого гимна на английском. Он посмотрел на Росендо и увидел, что та пела, не заглядывая в псалтырь, сосредоточив карие глаза на грязном окне над купелью, где на стекле сверкало цветное изображение Иисуса, идущего рядом с агнцем. Росендо держалась за разбухший живот. Она ждала своего первого ребенка, и Сэнди знал, что Росендо скоро придется уйти из кафе, чтобы заботиться о малыше, и мог только гадать, вернется она или нет.

Диего заметил, что Сэнди смотрит на Росендо, и подмигнул ему.

Сэнди поправил на себе воротник.

Когда песня закончилась, прихожане уселись и зашевелились так плавно, что их тела, казалось, трепетали, как крылья. За кафедрой, под витражом, открылся занавес, и за ним в небольшой крестильне стояла мать Сэнди в белом халате, а рядом – старый пастор. Сэнди слышал слабое журчание ку-

пели и видел солнце, сияющее сквозь окно над ним. Свет падал на поверхность воды, а та отбрасывала на лицо его матери цветное отражение.

– Братья и сестры, – возвестил пастор, – сегодня мы приветствуем новую жизнь с нашим спасителем, встречаем нашу сестру, Аннабель, в исцеляющей купели Христовой крови. Ибо его кровью мы все очищены.

Старик взял Аннабель за руку и, улыбнувшись, произнес нараспев:

– Annabelle Gaskin, debido a su profesión personal de fé en nuestro Señor Jesucristo, está bautizada en el nombre del Padre, del Hijo y del Espíritu Santo⁷.

И с изящностью танцора старый пастор опустил мать Сэнди в воду, а потом она воспрянула, вся мокрая и обновленная.

В дубовой роще за церковью стояли металлические складные столы и морозильные лари. Аннабель, все еще с влажными волосами, Диего, Росендо и женщины, работавшие в церкви, подавали прихожанам фриджоле и свинину в зеленом соусе на горячих сковородах. Люди проходили мимо, держа бумажные тарелки, с литаниями теплых пожеланий. Аннабель улыбалась им в ответ, благодарила каждого за их доброту и дрожащими руками накладывала еду им в тарел-

⁷ Аннабель Гаскин, благодаря личной вере в Господа нашего Иисуса Христа, крещена во имя Отца, Сына и Святого Духа (*исп.*).

ки. Время от времени ей приходилось убирать с лица прядь влажных волос. При этом она следила за мальчиком, который сидел один на погосте за церковью, где колючая трава сменялась юккой и красным мескитом. Мальчик сидел на могиле отца и наблюдал за кучкой старших мальчиков, которые гоняли мяч поодаль.

Она взяла тарелку для сына и села рядом с ним. Мальчик обхватил одной рукой подбородок, а второй срывал бурую траву, поднимал ее к лицу и сдувал прочь. Аннабель сунула палец в правое ухо и пошевелила им. Получился влажный звук. Она ожидала, что мальчик улыбнется, но он не стал.

Сэнди держал на коленях бумажную тарелку с фасолью и свиной.

– Почему ты никогда не поешь в церкви? – спросил он.

– Потому что мне не нравится петь.

– Почему?

– Не нравится мой голос.

– А что с ним не так?

– Он звучит так, будто я не верю в то, что пою, поэтому лучше мне не петь.

– Это правда, что поется в песне? – спросил мальчик.

– В какой песне?

– Которую они пели перед тем, как тебя крестили. Что однажды мы все окажемся на небесах у реки.

Она задумалась над ответом.

– Надеюсь, – сказала она.

Мальчишки, игравшие на поле, вдруг закричали и рассмеялись, и Сэнди сказал:

– Иногда я это себе так представляю, но когда я здесь, у его могилы, то я думаю о его теле, которое лежит под нами, в том ящике, и тогда мне в это не верится. Я уже не представляю этого, как бы ни старался. Но дома или в школе легче. Или в церкви, когда все вокруг поют. Просто закрываешь глаза и видишь. Но здесь, где его имя написано на камне, это больше кажется сказкой на ночь.

Аннабель перевела взгляд с сына на надгробие мужа, где в граните было высечено имя: «ТОМ ГАСКИН». Так неопровержимо. Она посмотрела мимо старших мальчиков с мячом, мимо низких холмов, усеянных выжженным кустарником, и вдруг ощутила, как тепло и надежда на спасение ее бессмертной души сходят на нет, словно последние отблески света – с наступлением ночи. «Все смывает», – подумала она и почувствовала, как на глаза навернулись теплые слезы.

Она прижала сына к себе и поцеловала его в макушку.

– Может, я тоже не всегда могу так это все представить, – сказала она, – но сегодня особый случай, и я вижу, как твой папа стоит на берегу той реки, точно как в песне. И он ждет нас. Он выбрал для нас всех хорошее место, чтобы прийти посидеть и устроить пикник. Только мы втроем. Он улыбается. И знаешь...

Она закрыла глаза, чтобы не заплакать, и в наступившей на мгновение тьме увидела реку, о которой говорила, и вода

там выявилась непрозрачной. Она не сверкала в кристальном свете солнца, и ее мужа было не увидеть на ее опустошенных берегах. Река, по сути, была вялой лентой крови, и, чего Аннабель не могла рассказать ни пастору, ни Диего или Росендо, ни даже собственному сыну, было то, что она никогда по-настоящему не верила, что подобная река сможет спасти ее саму. Сегодня она окунулась в это обещание, чтобы дать сыну надежду, которая была ему так нужна, надежду на то, что в этой эфемерной жизни существует такое место, где мальчик снова увидит отца и болезнь не разлучает сыновей и отцов, и жен и мужей. Но на самом деле, она считала все это жестокой ложью и знала, что легко может утонуть в этой реке, но она не могла позволить ее водам себя увлечь.

Смыть.

– Знаешь, что он говорит? – закончила Аннабель.

– Что он говорит, мама?

Она вытерла щеки и улыбнулась.

– Он спрашивает, почему мы так долго?

Ко второй половине дня, когда Аннабель и Сэнди вернулись из церкви, Стиллуэлл расчистил уже половину бассейна и заполнил помойку. У края стоянки, где грязь сменялась травой, теперь возвышалось две груды металлолома. Аннабель повернула фургон на грунтовую дорогу к дому и увидела, как мужчина снимает свою футболку с сетчатого забора и надевает обратно на свою порозовевшую на солнце кожу. «А мускулы у него, как у мальчишки», – заметила она.

– Переоденься, прежде чем пойдешь играть, – наставила она Сэнди, когда они выбрались из машины. – И не лезь к этому мужчине. Слышишь меня?

Сэнди, в старой паре джинсов и выцветшей синей футболке, вышел в сарай за домом. Достал из кармана стебелек сельдерея и, разломив его пополам, сунул по кусочку каждому кролику. Затем достал обоих из клеток и уселся на прохладный грязный пол. Он позволил им скакать вокруг, пока сам рассказывал историю о тexasском рейнджере, который носил в своей скатке ружье «Скофилд». Он рассказывал кроликам о том времени, когда рейнджер посмотрел вниз на разыскиваемого преступника, который стоял в тысяче ярдов от него, на дне ветреной долины, направив дуло пистолета на несчастную вдову и ее дочь. Он рассказывал кроликам о том, как «Скофилд» в руке рейнджера прогремел в тот солнечный день и как облачко дыма взметнулось над высоким хребтом, а преступник упал к пыльным сапогам вдовы.

Кролики носились кругами.

Сэнди схватил одного и поднес к шее, ощутив его мягкую шерстку.

– Помнишь ферму? – прошептал он ему на ухо. – То место, где ты родился? Папа возил меня туда. Мы ездили аж в Корсикану, мы с ним вдвоем. Он сказал мне, что знает, где продаются хорошие крольчата. Сказал, мы возьмем парочку и будем выставлять их на окружной ярмарке. Сказал, будем

их разводить, и у нас появится своя кроличья ферма. Хотел бы такое? Хотел бы выиграть ленточку?

Сэнди посадил кроликов обратно и запер в клетках, после чего направился к бассейну.

Он открыл сетчатую калитку и медленно прошелся вдоль края, оглядывая груды мусора, которые собрал на бетонном дворике мужчина в ковбойской шляпе. Старый алюминиевый шезлонг с гнутой рамой. Пружина от матраца. Помятый металлический шкаф для документов. Сам ковбой находился на глубоком конце бассейна и отделял пустые банки из-под краски от тех, в которых еще что-то плескалось. Высохшая краска вокруг краев банок имела ярко-розовый цвет – куда ярче того выцветшего оттенка, который приобрел мотель со временем.

Сэнди взял из мусора свою старую игрушку – пластикового водителя-каскадера в комбинезоне с блестящими звездочками, чье лицо расплавилось на гриле, и он очутился в итоге на дне бассейна. Сэнди бросил игрушку в ржавый мелкоячеистый забор. У мелкого края бассейна подобрал несколько осколков глиняного горшка и побросал их, один за другим, на дно, где каждый разбивался о бетон.

– Не мешайся мне тут, – сказал ковбой с дальнего конца бассейна. На Сэнди он даже не смотрел.

– Вам нравятся кролики? – сказал Сэнди.

Ковбой снял свою черную шляпу и вытер пот со лба, после чего быстро надел шляпу обратно. И надвинул ее пониже.

– У меня есть два нидерландских карликовых кролика, которых мне подарил папа, когда был живой, чтобы я мог показать их на выставке. Она будет уже через несколько недель. Хотите посмотреть?

– Нет, спасибо, – ответил ковбой.

Сэнди посмотрел на тугие мышцы ковбоя, раскрасневшиеся, как клеймо, от кистей до рукавов футболки. И еще Сэнди увидел татуировку – странное, сморщенное животное, то ли собака, то ли волк. Издалека было не разобрать.

– Похоже, вы сильно обгорели на солнце, мистер.

– Похоже, тебе лучше оставить меня в покое.

Сэнди взял в руку еще один горшечный осколок. Затем огляделся и увидел большого рыжего кота – тот сидел в тени под бетонной скамейкой и наблюдал за ним. Сэнди пристально посмотрел в ответ. Кот зевнул. Сэнди отвернулся и швырнул осколок в сторону шоссе, где тот снова раскололся об асфальт. Оставив ковбоя одного, мальчик отряхнул пыльные руки о джинсы.

Аннабель и Сэнди сидели за пластмассовым столом на кухне фермерского дома, склонив головы над мясным рулетом и картофельным пюре. Аннабель помолилась, как учил ее мальчик и как она помнила по молитвам Тома:

– Благослови этот дом, Господи, и благослови эту пищу, чтобы напитала она наши тела для служения Тебе. Аминь.

Сэнди тоже сказал «Аминь», и они принялись за еду.

– Каково тебе было, когда опустилась под воду? – спросил Сэнди через некоторое время. – Холодно?

– Нет. Вода была теплая. А у тебя была теплая, когда тебя крестили?

Он кивнул, не отрываясь от рулета.

– Я только до пояса заходила, – сказала Аннабель. – Там был бетонный блок для детей и низкорослых людей, как ты и сказал. Но мне не пришлось на него становиться.

– Ты была выше проповедника.

– Да.

– Как думаешь, проповедник там купается, когда никого нет?

– Вряд ли.

– А я бы купался, если бы был проповедником. Надеюсь, мы свой бассейн еще наполним.

– Может, к твоему дню рождения, – сказала Аннабель. – Если наш бассейнщик справится с уборкой.

– Он похож на ковбоя, – сказал Сэнди.

– Это же Техас, малыш. Тут все похожи на ковбоев.

– Папа не был похож на ковбоя.

– Нет. Не очень. Он был просто твоим папой.

– Роско Дженкинс из школы сказал, что мой папа убивал детей.

Аннабель положила вилку. Проглотила еду.

– Ну и дерьмо говорит этот Роско Дженкинс, – сказала она.

Последовала тишина, и она снова взяла вилку.

– Это правда? – спросил мальчик, выдержав паузу.

– Конечно, нет. Твой папа был солдатом на войне. А солдаты на войне, может, и делают плохие вещи, но твой папа их никогда не делал.

– А они правда убивали там детей?

– Это так говорят. Но твой папа был хорошим солдатом, который спасал людям жизни, и он вернулся к нам, он любил нас и заботился, пока мог.

– Знаю, – сказал мальчик. – Если наполним бассейн, это значит, мы опять откроем мотель?

– Мы его никогда не закрывали, Сэнди. Люди до сих пор приезжают в кафе.

– Но уже не остаются ночевать, – сказал Сэнди. – Как раньше.

После этого они ели молча.

Аннабель стояла у раковины и мыла посуду под шум телевизора, доносящийся из гостиной, где мальчик сидел на полу и смотрел шоу про погоню. Ветерок играл занавесками над раковиной. С намыленными по локоть руками, она выглянула из окна на склон холма и увидела единственный огонек, горевший в «Роудраннере».

Она подумала о Томе, вспомнила день, когда забирала его из аэропорта в Эль-Пасо. 22 декабря 1968 года. Он ждал ее в терминале, его армейский бушлат был застегнут на молнию,

сумка перекинута через плечо. Она обняла его, и он отстранился. В шести милях от города они остановились съесть по омлету. Она помнила, как улыбалась за кофе, удивляясь тому, что его руки не искали ее талии, ее щек. Он даже говорил как-то растерянно. Он насыпал в кофе сахар, размешал его и ел, будто заводная игрушка, опустив глаза; каждый кусочек яйца с ветчиной четко перелетал с его вилки в рот. «Мы стали как незнакомцы», – подумала она, наблюдая за ним.

Свет из ковбойского кемпера стелился по земле и поднимался по стене мотеля. Аннабель увидела, как по ней, точно призрак, проплыла тень мужчины. Она аж вздрогнула.

Оттирая тарелки в раковине, двигая руками под теплой водой, она вспомнила, как Том положил вилку и уставился в окно закусочной, мимо машин, грузовиков и гор, словно видел что-то незримое для других. В его глазах стояли слезы, и в следующие недели и месяцы она не могла этого забыть. Много позже она поняла, что взгляд на его лице в тот вечер был лишь первым признаком той печали, что приехала с ним домой, что уже затмила его сердце. Ужасная черная фигура, от которой он никак не мог отделаться, которая никак не позволяла ему выбраться из тени на свет.

Он вернулся домой будто без компаса.

Позднее той ночью снаружи пошел снежок, и в дровяной печи, что стояла в гостиной, затрещал огонь, расстояние между ними утончилось, и на диване, под одеялом, они вместе нашли свой новый ритм, а потом, когда она обняла его,

он рассказал о мотеле, который хотел построить. Кафе. Горячий кофе, гамбургеры. Она слушала, поглаживая его волосы, изумленно, боясь всего, о чем еще не знала. О том, сколько это будет стоить. Заправка и магазин едва позволяли сводить концы с концами. Она помнила, как отец заправлял бизнесменов на «Бьюиках», утирая пот с загорелого лба грязной тряпкой, а потом они уезжали на запад. И он, сощурив глаза, смотрел им вслед. Сутулый в своем комбинезоне, висевшем на нем, словно вторая кожа.

«И все равно, – думала она, – мой мужчина вернулся ко мне из края ужасов и крови, тогда как множество других погибло. Он вернулся, чтобы устроить здесь жизнь, насколько сумеет». Его мечта давала хрупкую надежду, и она словно вертела ее в руках, осторожно, боясь сломать. Перед тем как уснуть в ту ночь, она услышала голос матери – те слова, что она произнесла в день, когда Аннабель Грин вышла замуж за Тома Гаскина: «Женское сердце, Аннабель, не знает границ, кроме стен и заборов, которые она строит в нем сама. Будь осторожна и не выдавай своего замысла, не то он все присвоит себе. Все до последнего клочка».

«Может, даже бассейн сделаем», – подумала она тогда перед сном.

И вот сейчас, когда в кемпере под холмом еще горел свет, а на стойке сохла вымытая посуда, она знала правду: мечта Тома умерла гораздо раньше его самого, а ее жизнь, последние десять лет, казалась такой же случайной, как тот му-

сор, которым она заполнила бассейн после того, как его не стало. Ей ничуть не хотелось разбирать эти вещи, смотреть, что ценно, а что нет, она просто сбрасывала их на дно. Только кафе в старом гараже ее отца продолжало процветать, и это, как оказалось, и было ее задумкой, которую она не выдала. Она покрасила стены и вкрутила крепления в бетон, чтобы повесить фотографии своих родителей, восстановила заправку и закусочную, которую они держали, а потом добавила изображения тexasских рассветов и закатов, картинок, вырванных из календарей и купленных на дворовых распродажах, а также фото, которые сняла сама, просыпаясь затемно, когда вокруг было тихо и спокойно, и выбираясь, чтобы встать перед шоссе, настроить объектив дешевого аппарата, – и все они стояли в скрепленных скобами деревянных рамках. И каждый вечер, кроме воскресенья, на протяжении десяти лет, Аннабель поднимала на столы красные вишневые стулья и наполняла сахарницы, солонки, перечницы, бутылочки для кетчупа, а потом запирала двойные двери гаража. Она работала за стойкой и вела учет, даже когда Том, омраченный тенью своей великой печали, стал пропивать свои скудные прибыли в «Калхунс».

«Жизнь состоит из того, что мы сами выбираем, Энни, – говаривал ее отец. – Я выбрал быть заправщиком. Ты можешь выбрать все, что захочешь».

«Я выбрала Тома, – подумала она. – И вот где я теперь».

Когда она уже осушала раковину, свет в кемпере заморгал

и погас.

Тревис стоял голый посреди кемпера и разглядывал свое тело. В тусклом свете над раковиной было видно, что кожа у него на груди отслаивалась. Впервые он заметил это еще утром – когда от тыльной стороны его левой руки оторвался треугольный лоскут. Стоя в бассейне посреди мусора, он зажал его уголком большим и указательным пальцами и потянул – кожа отошла тонкими завитками, напоминаящими мыльную стружку, а плоть под ней оказалась не розовой и обновленной, как следовало ожидать, но белой и гладкой, как сомя брюхо. Когда он к ней прикоснулся – то почувствовал холод.

В то утро было жарко, поэтому он снял футболку и повесил ее на сетчатый забор. Солнце полыхало все время, пока он разбирал груды мусора на дне бассейна. Он нашел сломанную печатную машинку, старый телевизор с разбитым кинескопом, металлический шкаф для документов с поврежденными замками. Вытащил качели и старую морозильную камеру без крышки. Целые мешки одежды, настольную лампу с протертым шнуром, пустой кислородный баллон на колесиках. Эта женщина будто выбросила в бассейн всю свою жизнь, и он не понимал, на что она при этом надеялась. Может, на то, что все это затопит дождь. Когда в середине утра он вытащил несколько длинных секций ржавого водосточного желоба, на бетон вывалилось скорпионье гнездо. Он вы-

ругался и задавил их ботинком.

Незадолго до того, как солнце вошло в зенит, он сделал перерыв, чтобы выпить воды из галлоновой бутылки, которую захватил из кемпера. Он боролся с медленно нарастающим онемением в руках и спине, пока в суставах не появились новые боли, возникающие, когда натягивались связки. Почувствовав жажду, он сел на краю бассейна с бутылкой в руке, ожидая, что прохладная вода окажет приятное действие. Но этого не случилось. Когда вода упала в желудок, его тело пронзила судорога – чуть слабее той утренней, от которой его согнуло пополам в кемпере. Рана на ноге при этом вспылала жаром. Он бросил бутылку, не закручивая крышку, в бассейн, и вода полилась наружу: бульк-бульк-бульк.

Скорпионы на бетоне теперь выглядели красно-бурыми пятнами и кишели муравьями.

Позднее, после того, как мальчик приходил болтать про кроликов, Тревис вернулся в кемпер и посидел немного в прохладной темноте. Сидел, слушая, как бурчит собственный желудок – точно трубы в старом здании.

Затем, раздевшись, он насчитал на себе девять лоскутов шелушащейся кожи, все разных форм и размеров. Он оторвал некоторые из них – те, до каких сумел дотянуться, – и под каждым оказывалась влажная бледная плоть. Отрывались они без боли, как после рыбалки со своим стариком на водохранилище Грандвью, когда Тревис обгорел и потом у него облезла омертвевшая кожа. Он взялся за отслоив-

шийся кончик на кисти и потянул – вдоль запястья, к предплечью, где много лет назад в джунглях его рассекло горячее лезвие, оставив след в виде косматой волчьей головы. Он продолжал срывать кожу, она завивалась, будто пепел, и опадала. Старые шрамы исчезали.

«Сбрасываю кожу», – подумал он.

сбрасывай

Это слово всколыхнуло в нем воспоминание, которое ему не понравилось: сарай, куда сбрасывали всякий хлам и где он как-то раз спрятался в детстве.

«Сбрасывай, как свое прошлое, любовь моя».

Этот голос – точно шепот в полости его черепа.

Но прошлое было не сбросить, подумал он. Нет, от себя не уйти, так ведь? Вся его жизнь будто отражалась в зеркале заднего вида – семья из трех человек, застрявшая на обочине, какая-то непонятная мертвая фигура на асфальте перед ними. Что это за фигура, что это значит – он не понимал, но все это было там всегда – расплывчатое, далекое, но было. Мужчина, женщина, мальчик... мальчик, глядящий на то, как его повзрослевшее «я» безвозвратно уносится прочь. Он вспомнил того мальчика, которым был, – маленького и жилистого. Вспомнил, как в свои десять держал на ладони птицу с перебитым крылом. Смотрел, как она трепыхается, как на клюве у нее алеет кровь. Она врезалась в окно на задней стороне их дома. Он вспомнил, как во имя милосердия сжал кулак. Вспомнил отца – высокого и страшного, в со-

ломенной шляпе с широкими полями. Запах бойни. Войну. Госпиталь в Уичито-Фолс, в окружении странных, неполноценных мужчин, некоторые со шрамами, которые были незаметны, пока они не начинали говорить, если говорили вообще. Жизни, так же лишённые смысла и цели, как помехи в телевизоре. Он чувствовал себя так, словно его вытолкнули из утробы одновременно слишком рано и слишком поздно, и его появление вышло не более чем сном несформировавшегося разума. И никакие теплые объятия не приветствовали его в этом новом пугающем месте. Ничто не защищало от этой боли.

Он вспомнил женщин.

Всех трех.

Одна в Фредериксберге. Другая, до нее, в Остине.

Еще одна в Грандвью, его первая.

Он опустил глаза на свой ремень, провел пальцами по пряжке.

Ни к одной из них он не применял нож.

Он вспомнил кровь на сиденье отцовского пикапа, давным-давно, когда ему было шестнадцать. Всего лишь пятнышко, но этого хватило, чтобы ему устроили разнос. Хотя оно было не его.

Но нет, он не пролил ни капли.

«Значит, кровь таки была моя», – подумал он.

Но кто его порезал? Из-за кого – или чего – у него теперь шла кровь, шелушилась кожа, а лицо стало тусклое, как у

призрака?

Он потянул за еще один кусочек кожи – тот, что был ближе всех к сердцу, – и оторвал с неким восхищенным оцепенением, думая о человеке, которого знал в Уичито-Фолс. Тот мог часами сидеть, скрестив ноги, и разрывать листы бумаги на длинные тонкие полоски, пока не оказывался наполовину погребенным в бумажном гнезде собственного изготовления.

Тревис уставился на упавший в раковину кусочек кожи и подумал: «Ты не тот, кем себя считал. Ты становишься чем-то другим».

Снова ее голос, тихий, но настойчивый: «Ты боишься?»

Да. Кем бы ты ни была – да.

«Хорошо», – ответила она.

Тревис, прихрамывая, подошел к дверце шкафчика, которую пинком захлопнул утром. Присел перед ней на корточки, голый. Обрел равновесие, упершись одной ладонью в пол, а потом потянулся к ручке.

Осторожно открыл дверцу.

Внутри было темно. Два запасных баллона с пропаном откатились в дальний угол, к красному металлическому ящику с инструментами. Было там и три пустых галлоновых бутылки из-под молока, одна без синей крышечки, и сломанная вертушка в виде кукушки-подорожника. Пыль и паутина.

И платье, увидел он. Белое и смятое, оно виднелось за бутылками.

Он вытащил его и встал, развернув во всю длину. На пол выпало что-то маленькое и твердое. Старомодный медальон. Он открыл его. Внутри оказались две крошечные фотографии – девочки и мальчика, оба совсем юные. Они выглядели похожими, как брат с сестрой, – сильные скулы, длинные белые шеи. Россыпь веснушек у мальчика на носу и щеках. Девочка – худенькая, миловидная, с острым, будто лезвие, взглядом. Неужели он забрал медальон у одной из тех женщин? Наверное, у той из Грандвью, с куклами? Но он никогда ничего себе не брал. Что это значило? Тревис закрыл медальон и повесил его на ручку дверцы. Затем приподнял платье и рассмотрел рисунок розовых лепестков, а когда поднес ткань к носу – учуял что-то знакомое, что-то между теплом надушенной женской груди и холодным, влажным запахом гниения. Он вспомнил о скорпионах, которых раздавил на бетоне, и его охватила дрожь, когда ему явился этот образ: то ли девочка, то ли женщина, то ли какая-то тварь с рыжими волосами и в кровавом платье.

«Господи, – подумал он. – Как же я голоден. Ужасно голоден».

Понедельник

6 октября

Вертолет «Белл 47» с крейсерской скоростью промчался над пологими холмами, поросшими дубами и тополями, согнувшимися от ветра и времени. Двое рейнджеров, сидевшие в застекленной кабине в наушниках под «Стетсонами»⁸, общались при помощи жестов и кивков. Ридер толкнул рычаг и засмотрелся на змеящиеся зеленые реки и сотни пыльных дорог, которые тянулись вниз. Сесил, видел он, вжался в сиденье, побледнев. Галстук младшего рейнджера буйно развевался на ветру. Галстук Ридера был аккуратно зажат между пуговицами рубашки. За Фредериксбергом он повернул на север, навстречу зеленой полосе, где на поле взбиралось шоссе I-10. Когда «Белл» резко пошел на снижение, Сесил зажмурился. Вскоре вертолет приземлился на открытый участок в трейлерном парке, взметнув облако пыли.

Неподалеку, придерживая шляпы от ветра, сгрудились заместители шерифа. Ридер свою тоже придерживал, когда выходил из кабины. Он был таким высоким, что при этом ему пришлось наклониться вперед из опасения, что затухающие

⁸ Здесь: широкополая фетровая ковбойская шляпа.

винты лишат его «Стетсона». Сесил проследовал за ним на дрожащих ногах, неся зеленый металлический чемоданчик с инструментами.

Шериф округа Гиллеспы, широкоплечий толстяк, приблизился к Ридеру и, пойдя с ним в ногу, поблагодарил его за прибытие. Ридер пригладил галстук и дал шерифу говорить, пока они поднимались по бетонным ступенькам и входили в переднюю дверь трейлера. Сесил привычно держался на шаг позади. Копы в гостиной – все с современными пистолетами – расступились перед рейнджерами. Ридер и Сесил с шерифом прошли через кухню в узкий коридор, где была закрытая дверь в девичью спальню.

– Мы возьмем у вас все, что вы собрали, – сообщил Ридер шерифу. – Но как только сами посмотрим.

Шериф подтянул ремень на поясище.

– Как скажете, парни, – сказал он, заполняя собой коридор, пока поворачивал обратно на кухню. – Мы в любом случае благодарны.

Ридер посмотрел на Сесила – тот закатил глаза. Ридер улыбнулся.

– Готов увидеть кое-что дурное?

– Как всегда, – ответил Сесил.

Ридер открыл дверь.

Девушка лежала на кровати обнаженная.

Ридер сразу заметил, что окно было поднято.

Над трупом жужжали три мухи.

– Закрой это чертовое окно, – приказал Ридер.

Сесил закрыл сначала дверь, потом окно. Поставил свой зеленый чемоданчик на туалетный столик мертвой девушки рядом с флаконом духов и фарфоровой лягушкой, на чье шее висело серебро и пластиковые браслеты. Сесил открыл чемоданчик и достал баночку с ментоловой мазью. Помазал ею себе под носом и бросил баночку Ридеру. Тот сделал то же самое и передал мазь обратно. Сесил вынул из чемоданчика пару резиновых перчаток и натянул – те резко щелкнули в безмолвной спальне.

– Босс, – сказал он и вручил перчатки Ридеру.

Ридер также надел перчатки и осмотрел мертвую девушку. Возраст – под тридцать. Черные волосы – густые, длинные. Туловище раздулось и приобрело сине-зеленый оттенок многобородника. Глаза и рот были открыты. На шее – фиолетовый синяк.

Сесил доставал вещи из чемоданчика: увеличительное стекло, бумажные пакеты для улик, щипчики, полиэтиленовые пакетики, ватные тампоны, щетку, дактилоскопический порошок. Он разложил все это подобно хирургическим инструментам.

Ридер коснулся девичьего горла. На мягкой плоти ниже подбородка он увидел фиолетовые отпечатки – три буквы, перевернутые: Т-Р-Е.

– Взгляни-ка сюда, Сесил, – сказал он.

Сесил наклонился над плечом Ридера, держа фотоаппарат

«Никон» в одной руке и фонарик в другой.

– Так. Это что-то новенькое, да? – Он приложил фонарик к «Никону».

Ридер сел на край кровати. Оглядел комнату, но не заметил никаких фотографий родителей или подруг, которые были бы просунуты под рамку по краю зеркала. Только удостоверение местной швейной фабрики и связка ключей на столике. Одноглазый плюшевый медведь в кресле-качалке – из тех, какие можно выиграть в кольцебросе или в тире.

Сесил попросил Ридера держать линейку у следа на девичьей шее, пока фотографировал. Оба рейнджера обливались потом в теплом трейлере, а тело источало дурной запах, несмотря на ментол.

Сесил взял мазки – вагинальный и оральный. Работали они медленно, аккуратно, крепко сжав губы.

– Заканчивай тут, – сказал Ридер. – А я пока вокруг осмотрюсь.

Он вышел из комнаты и остановился в дверях ванной. Стены и унитаз внутри были кремового цвета, душ – в виде кабинки. Над раковиной висела одинокая лампочка со шнурком. Зеркало над раковиной было разбито: паутина трещин расходилась от вмятины по центру. Кто-то ударил кулаком. Ридер почувствовал, что за ним кто-то стоит, и увидел в коридоре толстяка-шерифа, который жевал кусок какого-то корня.

– Я слышал про еще двух. Хреновое дело. Думаете, это все

он?

Ридер увидел, что крышка унитаза была поднята.

– Здесь кто-нибудь ходил в туалет? – спросил он.

– За кого вы нас принимаете, рейнджер?

Ридер поднял глаза на потолок. Потом опустил на пол.

– Говорите, ее утром нашли какие-то дети?

– Сосед только вернулся со смены на кладбище, – сообщил шериф. – Его разбудил сын, сказал, что они с братом увидели «красивую тетю» в открытое окно.

– Его можно было и закрыть, – заметил Ридер. – Окно.

Шериф вынул изо рта корень и сплюнул в раковину коричневым соком.

– Я прослежу, чтобы вас обеспечили всем необходимым. Еще раз большое вам спасибо. – Он повернулся и пошел прочь по коридору.

Ридер включил в раковине воду.

Затем просунул голову в спальню и сказал:

– Не знаю как ты, Сесил, но я бы напоил себя кофе и накормил яичницей.

– Полагаю, сперва мы должны пообщаться с тем соседом.

– Полагаю, должны, – ответил Ридер.

Позже Ридер вел «Белл» обратно в штаб компании F⁹ в Уэйко, откуда они с Сесилом поехали в центр города позавтракать яичницей в кофейне на углу Пятой и Остин-стрит.

⁹ Подразделение техасских рейнджеров.

День был ясный и солнечный. Многие заведения были закрыты, в потрескавшихся витринах виднелись таблички с надписью «СДАЕТСЯ».

Они сидели за столиком у тротуара, в длинной утренней тени здания «Алико»¹⁰. На западе, за пустующей стоянкой, где когда-то находился магазин хозтоваров, возвышалось огромное здание суда из белого мрамора. Ридер заказал яйца с чоризо и черный кофе. Сесил съел тако и кусочек лимонного пирога с безе. За едой они наблюдали за редким дорожным движением и людьми, которые входили и выходили из «Алико».

– Говорят, оно и ураган выдержит, – заметил Сесил, указывая на здание. Затем скомкал бумажную салфетку и бросил ее на тарелку.

– Таких в округе Мак-Леннан не так уж много, – сказал Ридер.

– Там в стекле каждого окна есть проволоочная сетка. – Молодой рейнджер сощурился, глядя на верх здания, где в полвысоты этажа были установлены красные буквы: А-Л-И-К-О. – В городе было торнадо в пятьдесят третьем. Весь центр с землей сровнялся. И все это он пережил.

– Значит, и не такое выдержит, наверное, – сказал Ридер.

– Видел Мэри сегодня утром. Она сказала, что из округа Коул пришла коробка.

– Только одна?

¹⁰ 22-этажное офисное здание в центре Уэйко.

– Только одна. – Сесил помешал сахар в кофе. – Мы с тобой в квартире той девчонки собрали сколько – три, четыре коробки? И это спустя... четыре, пять дней после происшествия?

– Ага.

Сесил постучал ложечкой по чашке и покачал головой.

– Ставлю свою звезду, что стоит нам порыться в том ящике, найдем какой-нибудь огромный косяк у полицейских.

– Лучше на свою звезду не спорь, Сесил.

– И вообще они не торопились помогать. Как по мне, это просто непрофессионально.

– Так и есть.

– Что, черт возьми, не так с Техасом? – сказал Сесил.

– Это не Техас, – ответил Ридер.

Коробка из округа Коул стояла и ждала посреди стола Ридера. Он разрезал ее перочинным ножом и порылся внутри, пока Сесил проявлял утренние фотографии в темной комнате дальше по коридору. Ридер достал из коробки несколько изображений мертвой женщины, которая лежала обнаженной на кровати. Он прикрепил фотографии к доске в углу – и те выстроились в отвратительный ряд из обнаженной плоти, скрученных простыней и покрасневших глаз. Ридер достал из ящика стола каталожную карточку и подписал: *Барбара Лидс/Грандвью/25.09*. Затем прикрепил ее под рядом фото.

Он заглянул в ящик. Внутри остался только пластиковый пакет для улик и четыре бумажные папки, содержащие отпечатанную стенограмму, рукописное заявление, два полицейских отчета и толстенный архив на главного подозреваемого, по мнению шерифа округа Коул.

Ридер хмыкнул и сдвинул коробку в сторону.

– Премного благодарен, – пробормотал он.

Затем принялся рыться в стопке папок на своем столе – среди своих и Сесила бумаг, – пока на дне одной из них не нашел шесть фотографий другой погибшей. Она лежала голая на ковре в гостиной в жилом вагончике, ее рот был раскрыт в немом крике. Тело – бесцеремонно распростерто на ковре, одна нога закинута на диванную подушку с витиеватым узором. Это было первое место преступления, которое Ридер с Сесилом посетили менее чем через сутки после того, как его обработала полиция округа Хейс. На кухне Ридер видел фотографию женщины на ее холодильнике: она сидела за столом с подругой, обе в сомбреро, обе улыбались, стол был заставлен бутылками из-под пива и бокалами «Маргариты», и перед этими женщинами будто лежал целый мир, а сами они показались рейнджеру будто экзотическими птицами в гнезде из перьев.

Этот ряд он подписал: *Таня Уилсон /к югу от Остина/ 28.09.*

Он взял со стола карту заправок Техаса, развернул ее и прикрепил к правой половине доски. Взял три новые кар-

точки из стопки в ящике и написал на каждой имя: *Барбара Лидс, Таня Уилсон, Айрис Грей*. Прикрепил их поверх трех мест на карте. Первым был Грандвью, что на берегу реки Бразос, в тридцати милях к юго-западу от Форт-Уорта. Вторым – точка к югу от Остина, маленький захолустный городишко, где жили поденщики и белая шваль. Третьим был Фредериксберг.

Он провел взглядом вдоль маршрута между этими местами.

– На запад, молодой человек, – проговорил Ридер сам себе. – На запад.

Затем посмотрел на коробку из округа Коул и, вздохнув, передвинул ее обратно к себе. В одиноком пакете для улик лежала фотография Барбары Лидс в белой майке и розовой ковбойской шляпе. Ридер взял пакет в руку и рассмотрел фото сквозь него. Судя по всему, ее сделал кто-то, сидящий рядом с девушкой на заднем борту кузова голубого пикапа. На обороте фотографии стояла рукописная заметка: *Это сфотографировал Дейл 3 марта*.

Ридер вынул из коробки две из четырех папок. Свидетельские показания были краткими, их дал бармен. Вторая папка содержала стенограмму из четырнадцати машинописных страниц под двумя медными скрепками. Подпись на папке гласила: *Допрос Дейла Фриландера, 27.09.80*.

Ридер уселся за стол и, положив на него ноги, принялся читать.

Когда Сесил вернулся с утренними фотографиями в руке, Ридер, не глядя на него, сказал:

– Сделай из них третий ряд.

Сесил повиновался.

– Айрис Грей, – проговорил младший рейнджер, отступая от доски. – Двадцать восемь лет. Парня не было. Работала на швейной фабрике во Фредериксберге, округ Гиллеспии. Жертва номер три.

Ридер оторвался от стенограммы и посмотрел на фотографии, прикрепленные к карте: три удушенных трупа с одинаково широкими синими полосами на горле, только у Айрис Грей были эти перевернутые буквы: *T-P-E*. Ридер снова уткнулся в стенограмму, перелистнул страницу, затем перевел взгляд обратно на фотографии. Закрыв папку и швырнул ее Сесилу, который только что убрал стопку папок со своего стула, чтобы сесть.

Сесил едва сумел поймать бумаги. Затем сел и стал читать.

– Дейл Фриландер, – проговорил он.

Ридер подошел к доске, пригляделся к крупным планам горла Айрис Грей, особенное внимание уделив перевернутым буквам. Посмотрел на линейки, приложенные к горлу каждой девушки.

– Полтора дюйма, – буркнул он себе под нос.

– На старину Дейла хорошенько надавили, да? – сказал Сесил.

Ридер повернулся к Сесилу.

– Дай-ка мне свой ремень, – попросил он.

– Мой ремень? – Сесил оторвался от стенограммы.

– Твой ремень, парень, да-да.

Сесил отложил бумаги и встал. Расстегнул ремень и вынул из брюк. Револьвер при этом выпал из кобуры и упал на пол. Сесил, залившись краской, быстро нагнулся, чтобы его подобрать.

– Сесил, – проговорил Ридер уравновешенно, принимая у него ремень, – отстрелишь себе член в штабе – никогда не станешь лейтенантом.

Младший рейнджер осторожно положил пистолет на стол Ридера вместе с кобурой и ключами.

Ридер изучил ремень. Кожаный, с надписью *СЕСИЛ*. С рельефными орлами и оленями по краям. Сесил наблюдал за тем, как Ридер изобразил, будто стягивает ремень со своей талии, переворачивает и набрасывает на воображаемую шею. Он проделал это дважды, прежде чем удовлетворился его правильной координацией. Усевшись на угол своего стола, он закатал рукав. Обернул ремень вокруг предплечья и ухватился за один конец зубами. Отвел голову назад, туго натянув ремень. Затем выплюнул его и покачал головой.

– В чем дело, босс?

– Подойди-ка, – подозвал Ридер Сесила. – Возьми оба конца здесь и тяни его, на хрен, со всей силы.

Сесил послушался.

Ридер поморщился, когда ремень крепко сжал его руку.

– Сильнее, парень, за меня не бойся.

Сесил сделал глубокий вдох и потянул.

Губы Ридера сжались в тонкую прямую линию.

– Ладно, – сказал он наконец.

Сесил надел на ремень кобуру и вернул его себе на талию.

Ридер поднял руку и осмотрел вмятину, оставленную буквами и орлами с утками. Подобно следу на горле Айрис Грей, виднелись буквы: *С-Е-С-И*.

– Так, поглядите-ка, – сказал Сесил. – Думаете, Т-Р-Е – это имя или фамилия?

– Скажем пока, что одно из двух. – Ридер опустил рукав и устался на доску. – Что думаешь насчет этого допроса? – спросил он.

– Фарс какой-то.

– Думаю, вернее сказать: оказание давления, – поправил Ридер. Затем, потянувшись вглубь стола, вытащил из коробки последнюю папку – толстое и увесистое досье Фриландера – и передал Сесилу. – Познакомься с Дейлом.

– Черт. А старина Дейл времени даром не терял, да?

– Он не очень дружит с законом.

Сесил пролистнул страницы.

Ридер оттолкнулся от края стола и подошел к доске поближе, водя глазами по изображениям, по карте. Обработывая информацию.

– Ни в одном из трех случаев соседи не сообщили ничего

полезного, – заметил он. – Никто не назвал нам ни марку, ни модель машины. Три мертвые девицы, одного возраста, одной расы. Все бедные. Из тех, кто проводит выходные в закусочных. В последний раз их видели в кабаках на трех разных шоссе, и каждый раз юго-западнее предыдущего.

– Если он проехал из Остина во Фредериксберг, – сказал Сесил, – значит, рано или поздно окажется в Эль-Пасо.

– Может быть. Если не где-нибудь поближе. Он верен своему интервалу: одна девушка каждые несколько дней, так что следующее тело может появиться в любой момент. Конечно, лучший выбор на вот этих дорогах. – Ридер взял красный фломастер из пустой банки из-под кофе и обвел три основные магистрали. – Самые людные, хотя это мало о чем говорит. Он подбирает ее в кабаке, они едут к ней, и он ее душит. Ни жидкостей, ни отпечатков, ни каких-либо следов сексуального контакта с жертвами. По крайней мере, с мисс Уилсон и с мисс Лидс, но я не сомневаюсь, что по мисс Грей придет такое же заключение. Нет, он просто душит ремнем, наш мистер Т-Р-Е. Зачем?

– Ради ощущений?

– Сесил, какие могут быть ощущения, если у тебя нет секса?

– Согласен, – сказал Сесил.

– Ни секса, ни крови. Ни демонстративного гротеска. Черт возьми, это даже почти скромно.

– По зеркалу что-нибудь придумали?

Сесил закрыл записи о Фриландере и просмотрел показания единственного свидетеля, которого удосужились опросить в округе Коул.

– Тот бармен в «Каупанчерз» сказал, что мисс Лидс ушла с, цитирую, «высоким ковбоем, который не смог бы поднять руку, даже чтобы защитить себя». – Он перелистнул страницу. – Значит, то, что округ Коул пытается повесить тело на этого парня, Фриландера, из-за его истории с первой девушкой, – он покачал головой, – это из пальца высосано.

– Даже более чем, – сказал Ридер.

– Ну, я уверен, в округе Коул не происходило никаких других преступлений, чтобы провести какие-то параллели, но от этой коробки несет цыплячьим дерьмом, босс. Думаю, нам самим следует заняться стариной Дейлом, да?

– Сынок, – сказал Ридер, – тебе следует вступить в Техасские рейнджеры. – Он обошел свой стол и открыл жалюзи. На стоянке снаружи два рейнджера выводили группу шестиклассников из желтого школьного автобуса и выстраивали в шеренгу для экскурсии по штабу компании и соседнему музею. – Одна коробка, – пробормотал он.

– Говорю же, – ответил Сесил, – дерьмо цыплячье.

– Видишь, вот так я и понял, что ты из Арканзаса, – заметил Ридер.

– Это как? – Сесил склонил голову набок.

– В Техасе говорят: лошадиное.

Выглядывая сквозь жалюзи, Ридер наблюдал, как один из рейнджеров надел свой «Стетсон» на голову девочке с косичками.

– Эти деревенщины даже окно не закрыли, – сказал он.

В обед было много людей, и Аннабель позвонил первый из нескольких клиентов, желавших расплатиться, когда вошел Билли Калхун. Звякнул звоночек над дверью, и когда Аннабель, подняв глаза, увидела седовласого бармена, ей пришлось напомнить себе, что нужно разменять деньги для победавшего фермера. Калхун подошел к кабинке у стены и сел. Затем взглянул на Аннабель и увидел, что она смотрит на него. Поднял руку – Аннабель закрыла кассовый аппарат и продолжила заниматься своими делами. Росендо приняла у Калхуна заказ – глазунью из двух яиц, бекон, кофе. Через десять минут, когда Росендо уже собиралась забрать его тарелку из окна за стойкой, Аннабель коснулась ее руки и сказала:

– Давай я. – И принесла тарелку со свежим графином к кабинке Калхуна. Тот сидел над кроссвордом, с очками на носу и сломанным, но замотанным изолентой карандашом в руке. Когда она поставила тарелку ему на столик, он поднял глаза и, сняв очки, улыбнулся. Целых пятнадцать лет будто исчезли с его грубого морщинистого лица.

– Террариум, – подсказала Аннабель, наливая свежий кофе.

Он снова надел очки и провел пальцем по рядку квадра-

тиков. Затем вписал слово, покачав головой.

– Ты в этом всегда была лучше меня, – признал он.

– Но ты не отчаивайся, – сказала она.

– Да я же деревянный, – сказал он и постучал костяшками пальцев себе по голове. Затем взял со столика сахарницу и насыпал порошка себе в кофе.

– Нечасто я тебя тут вижу, – сказала Аннабель.

– Я прихожу и ухожу. В баре теперь занят частично. Нанял нового парня. Он смысленный, так что я дня три в неделю провожу на реке. Ни черта не ловится, зато хоть рыба чувствует себя в безопасности.

– Я бы и сама не прочь почувствовать себя в безопасности, – сказала Аннабель с видом женщины, которая сделала себе маникюр просто чтобы взбодрить себя на недельку.

Калхун снял очки, сложил их и убрал в нагрудный карман.

– Аннабель Гаскин, я никогда бы не подумал, что тебе нужно чувствовать себя в безопасности.

– Ты первый мужчина, кто мне это говорит, – сказала она. – И так многословно. Приму это за комплимент.

– А кто у тебя в бассейне работает? – спросил Калхун.

Она проследила за его взглядом, когда он кивнул через стеклянную гаражную дверь, и увидела черную шляпу Стиллуэлла, который двигался вдали спиной к кафе. Он орудовал шваброй, натирая пол гаража мыльной водой с отбеливателем из пятигаллонного ведра.

– Просто ковбой какой-то, – сказала она, сама гадая: по-

чему сегодня Стиллуэлл выглядел как-то иначе? Даже его шляпа казалась теснее и ниже сидела на голове.

– А то смотрю, взялся тут из ниоткуда, – сказал Калхун.

– Я думаю наполнить бассейн, – сказала она, переводя взгляд на Калхуна. – Для Сэнди. Химия обойдется недешево, но у него в этом месяце день рождения.

– Спит он уже нормально?

– Более-менее. Уже лучше.

– Если могу помочь с бассейном, – предложил Калхун, – финансово...

Аннабель быстро продолжила:

– И он скоро выставляет своих кроликов на окружной ярмарке...

Их взгляды встретились. Они рассмеялись, и каждый отвел глаза.

– Ты счастлива? – спросил Калхун.

– Кому нужно это счастье, – ответила она и коснулась своего сердца. – Главное, я все искупила.

Он рассмеялся.

Аннабель оторвала его чек из блокнота и положила на край столика.

– Тут будешь?

– Назови меня «сахарком», и я вообще останусь, – сказал он.

Но она не назвала. Вместо этого задержалась, наблюдая, как он принялся резать свою яичницу и желток стал расте-

каться по его тарелке. При этом она чувствовала взгляды покупателей, устремившиеся ей в спину.

– Мне надо возвращаться за стойку, – сказала она. Это было не то, что она хотела сказать, но получилось именно это. Она подумала, что ее мать, наверное, сочла бы, что это даже к лучшему. По крайней мере, в этих словах не было ничего такого, о чем пришлось бы пожалеть.

– Спасибо за харч, – сказал он.

Аннабель обслужила двух ожидавших посетителей, затем вошла в узкую кухню и вышла через сетчатую дверь на дощатый настил за мотелем, где был слышен только гул кондиционера в гараже и дующий над полями ветер. Она вытащила из стены незакрепленный кирпич и достала из дыры смятую пачку «Мальборо» и черную пластиковую зажигалку. Зажгла сигарету и вернула пачку с зажигалкой на место, снова прикрыв кирпичом.

Она курила, стоя в тени крылатого коня.

В траве Аннабель увидела крадущегося кота – тот охотился то ли за мышами, то ли за кузнечиками.

Она подумала о Билли Калхуне. Он не заходил уже больше года. С похорон Тома. И она не курила с того дня.

«Интересно, курение – это грех?» – задумалась она.

Она всегда хранила это в тайне от мужа и сына, ей нравилось занимать этим руки, особенно когда Том был мобилизован, между тем как выдавать сдачу посетителям и складывать постельное белье. Сигареты помогли ей открыть немало

писем со станции в Ку Чи. Их она читала на заднем крыльце фермерского дома по утрам, когда солнце лишь поднималось над восточными холмами. Там она сидела и курила, читала и плакала.

В день, когда он вернулся, она купила жвачку на заправке рядом с аэропортом, уверенная, что больше курить не будет. Она снова подумала о Калхуне.

«Тайны, – подумала она, – они почти всегда грешны. Иначе зачем их хранить?»

В залитых солнцем кустах прошмыгнул кот, и что-то маленькое издало писк.

За спиной Аннабель скрипнул дощатый настил.

На углу прохода от мотеля, рядом с торговыми автоматами, стоял Стиллуэлл, держа в руках метлу. Он был в своей черной соломенной шляпе, из-под которой виднелись полоски белой ткани, которой он обернул голову, оставив открытыми только глаза и губы. Ткань, похоже, была вырезана из старой хлопчатобумажной футболки. Полоски прилегали неплотно и местами провисали.

– Ты меня напугал, – сказала она. Ей хотелось, чтобы это прозвучало, насколько возможно, спокойно, хотя руки у нее покрылись мурашками. «Как прокаженный из лепрозория», – подумала она и попыталась улыбнуться. Сигарету она ровно держала в одной руке, а второй подпирала локоть.

– Мэм, – сказал он. Губы у него растрескались и покраснели.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Солнцу я сегодня не нравлюсь, – сказал он. – Прошу прощения. – Он прошел мимо нее к открытой уборной сразу за настилом. – С бассейном надо было управиться до вечера.

Чувствуя себя глупой и грубой, она проговорила ему вслед:

– Тебе необязательно звать меня «мэм».

Он ничего не ответил, а только спрятал швабру с тряпкой в уборной, поставил отбеливатель на полку и, закрыв за собой дверь, вернулся к своему кемперу. Он шел, наклонившись вперед, будто солнце стегало его кнутом по спине.

«Может, у него тоже есть тайны», – подумала Аннабель.

Она взглянула на сигарету в своей руке. Затем швырнула ее на доски и направилась обратно в кафе. Калхун оставил на столике две банкноты: пятерку за завтрак и еще двадцатку. А еще нацарапал записку на обрывке страницы из своей книжечки с кроссвордами. Ее он сложил, придавив сахарницей. «Это на химию».

Аннабель положила в кассу пять долларов.

Двадцатку с запиской сунула себе в карман передника.

В половину шестого она перевернула табличку на окне кафе с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО» и пожелала спокойной ночи Диего с Росендо, которые сели в его «Эль Камино»¹¹ – Диего открыл Росендо дверь и помог ей забраться в салон,

¹¹ Пикап компании «Шевроле».

затем подложив подушку ей за спину, – и поехали на запад, в сторону города. В гараже, пока Аннабель переворачивала стулья и меняла приборы к следующему утру, Сэнди сидел в кабинке над задачками по математике. Перед закатом Аннабель выглянула из окна кафе и увидела, как Стиллуэлл, все еще обернутый в свой странный покров, поднимается по ступенькам с мелкого края бассейна. В руках у него было по пустой бутылке из-под отбеливателя. Аннабель вышла через дверь, примыкавшую к офису мотеля – представлявшему собой застекленное пространство, где на настенных панелях когда-то висели вентиляторные ремни и освежители воздуха, – и включила указатель, стоявший у шоссе. Это получилось по наитию – ведь она не включала его уже несколько месяцев. Вернувшись снова к окну, Аннабель увидела, что Стиллуэлл стоит возле бассейна, уставившись на мерцающее вольфрамовое солнце, садящееся за неоновыми горами.

Она открыла дверь кафе и позвала его.

Стиллуэлл поднял руку.

– Голодный?

Мужчина в ковбойской шляпе опустил глаза на свои грязные джинсы и рубашку с длинными рукавами.

– Я не в том виде, чтоб заходить внутрь, – ответил он.

– Я сделаю тебе бургер, – отозвалась Аннабель и скрылась прежде, чем он успел возразить.

Стиллуэлл вошел в кафе. Он замешкался, едва войдя в дверь, будто не зная, куда ему сесть, когда все стулья были

подняты на столики. Он снял шляпу – вся его голова была обернута в тканевые полоски. Затем он снял и их – одну за другой.

Сэнди, позабыв о своей задачке, уставился на мужчину.

Аннабель тоже следила за процессом через окошко с кухни, где на гриле шипело мясо.

Сняв свои повязки, Стиллуэлл сложил их в свою шляпу. Он выбрал столик у одной из дверей гаража и уселся на стул. Положил шляпу на столик и снял кожаные перчатки.

Что-то в его лице изменилось, подумала Аннабель. Оно было не таким, как накануне утром. Он стал бледнее, стал как зубная паста, словно дневной свет отбелил его так же, как сам он отбелил бассейн. На щеках и на лбу у него были пепельные пятна. «Прокаженный», – подумала она и тихонько рассмеялась.

До того как основать мотель, она некоторое время работала медсестрой. И там, в Форт-Стоктоне, где она дежурила по ночам в неотложке, был мужчина со светочувствительной кожей. Он ходил на прием к врачу по ночам, в темных очках, шляпе и шарфе. Девчонки шептались, обсуждая его, и называли Человеком-невидимкой.

Почуяв запах горелого мяса, она вспомнила, что нужно перевернуть бургер на гриле.

Стиллуэлл уже собирался сесть, но увидел в глубине кафе музыкальный автомат.

Сэнди увидел, на что смотрит ковбой, и сказал:

– Он сломанный.

Но ковбой подошел к автомату все равно. Это был «Зеебург Селект-О-Матик», с деревянным корпусом, хромированными и небесно-голубыми пластиковыми панелями. За рычагом селектора и кареткой располагалось зеркальное стекло с ромбовидным рисунком. Он пробежался по списку песен, одними губами произнося имена исполнителей.

– Если бы он работал, я бы его вообще не выключал, – заметил Сэнди. – А вы любите музыку?

– Люблю хорошие автоматы, – ответил Стиллиуэлл.

– А мне нравится Джордж Джонс¹², – сказал Сэнди. – «Кареглазый симпатяга». Вы умеете решать дробь?

Стиллиуэлл отвернулся от автомата и покачал головой.

– Вас в школе этому не учили?

– Я ее не закончил. – Он вернулся к своему столу.

– Как так? – спросил Сэнди.

– У меня там никогда не ладилось.

– Ну, у меня нормально, но дробь я не понимаю. – Мальчик снова склонился над своей задачей.

Стиллиуэлл сел за столик, и Аннабель вынесла ему бургер с чашкой кофе и бутылочкой кетчупа. Когда она поставила все перед ним, он произнес слова благодарности, не подняв глаза, и она учуяла за запахом отбеливателя и пота что-то одновременно знакомое и неизвестное. Какой-то дурной запах. Подошла к кабинке и села рядом с Сэнди, чтобы помочь

¹² Джордж Джонс (1931–2013) – знаменитый кантри-певец и автор песен.

мальчику с заданием, но все равно приглядывала за ковбоем. Он взял кетчуп и наклонил бутылочку, вытряхнув немного, после чего закрыл крышкой. Затем взял нож из ножен, что были у него на поясе, и разрезал бургер пополам. Аннабель, наблюдая за ним, поняла, что и Сэнди бросил писать и тоже паялся на ковбоя, вернувшего свой ножище на место. Затем мужчина обмакнул половину бургера в кетчуп и собирался уже его укусить, но не стал. Он долго смотрел на еду, пока кетчуп не начал капать на тарелку. У него заурчал желудок. Слышно было через все помещение.

– Мистер, – сказал Сэнди, – вам лучше поесть, пока ваш желудок сам вас не съел.

Аннабель резко одернула сына по имени.

– Не будь грубым, – сказала она.

Стиллуэлл улыбнулся, медленно, но искренне. И укусил бургер.

– Мы очень рады тому, что там получается с бассейном, – сообщила Аннабель. – Правда, Сэнди? – Она приобняла сына за плечи и погладила его ладонью по волосам.

– Может, вы сможете починить и этот автомат? – спросил мальчик.

Стиллуэлл перестал жевать. Затем проглотил еду с громким и влажным звуком. Положил гамбургер на тарелку и вытер руки о джинсы. Перевел глаза с автомата в глубине кафе на женщину с мальчиком, которые сидели в кабинке. Мальчик ждал его ответа, крутя карандаш между пальцев. Нако-

нец Стиллуэлл покачал головой.

– Если бы, – проговорил он. А когда они ответили лишь молчанием, добавил: – Я не очень разбираюсь во всяких механизмах.

Аннабель улыбнулась.

– Вы и так много уже сделали.

– Там было много работы, – сказал ковбой. – У вас в бассейне.

– Было, – сказала Аннабель.

Сэнди вернулся к математике, зацарапав карандашом по бумаге.

Стиллуэлл снова взялся за бургер, и вдруг у него задрожали руки. Кусочек салата с огурцом и колечко лука вывалились и упали на тарелку. Он положил бургер и отодвинулся от стола, резко скребанув ножками стула по бетонному полу. Затем схватил перчатки, шляпу и заявил:

– Прошу извинить, но я болен.

– Ты бледный, как при смерти, – сказала Аннабель. Она встала и сделала несколько шагов ему навстречу, но он быстро повернулся к двери.

– Это от солнца, – сказал он. – Слишком много на нем пробыл, вот и все.

– Может, тебе хоть аспирина дать? – спросила она. Аннабель обхватила себя руками и обернулась через плечо на Сэнди, который озабоченно глядел на ковбоя.

Стиллуэлл держал шляпу за поля – перчатки и повязки

находились внутри.

– Нет, – отказался он. – Но спасибо. – Он положил руку на дверь и на несколько мгновений замер на месте.

Снаружи было видно, что наступила ночь, и только неоновая вывеска светилась у дороги, отчего отражение самого ковбоя на стеклянной двери меркло.

Пока он разглядывал стекло, Аннабель успела задуматься: что он видел в нем такого, незримого для нее?

– У вас тут хорошее место, мисс Гаскин, – проговорил он наконец. – Спасибо вам за еду. И за вашу доброту.

И вышел из кафе.

– Всегда пожалуйста, – ответила Аннабель.

Она вернулась к кабинке и подсела к Сэнди. Когда мальчик, почесав голову, снова принялся за дробь, Аннабель представила, как они вдвоем, она и Сэнди, наверное, выглядели откуда-нибудь из темноты снаружи, с другой стороны шоссе, с широкого поля, что восходило к горам. Каким, должно быть, казался незримому наблюдателю их свет – маленький огонек в кафе, где мать с сыном тихо сидели в кабинке и не могли включить себе музыкальный автомат.

Тревис успел обогнуть угол мотеля, прежде чем гамбургер попросился обратно. Ковбой согнулся пополам и вырвал в траву между дощатым настилом и офисом. Затем уперся одной рукой в бетонную стену, чтобы не потерять равновесие, и вырвал еще раз – теперь сгустком крови, который выплеснулся из него, будто кто-то запустил ему в кишки насос.

У него задрожали колени, и он опустился на настил, чтобы его стошнило в третий раз. Затем подождал, пока слабость пройдет, а когда почувствовал озноб – встал и прикопал рвоту землей, точно собака, и поплелся к своему кемперу. Открыв дверь, он почувствовал движение за спиной и обернулся. Рыжий кот стоял над его рвотой. Понюхал землю и поморщился, после чего скрылся под настилом.

Тревис почти упал на мягкий обеденный уголок, положил руки на стол, а на них – голову. Его всего трясло: дрожь, впервые охватившая его в кафе, теперь усилилась до бушующего ветра. Что-то теплое разлилось по его паху. Просочилось сквозь джинсы. Рана на бедре вдруг вскрылась. Накатил новый приступ тошноты, и что-то горячее и густое брызнуло из горла и потекло по подбородку. Он издал грубый, прерывистый звук, нечто среднее между речью и выдохом.

За спиной у него что-то затрещало – будто дерево, и из темноты послышался мягкий женский голос.

Посмотри сюда, Тревис.

Он повернул голову.

Что ты сейчас видишь?

Он видел длинное костлявое существо, выползающее на четвереньках из-под шкафчика под спальной полкой. Глаза мерцали в свете, который падал в кемпер со столба снаружи. Тощее, бледное и голое, с клочками волос, липнувших к шишковатому черепу, оно обогнуло лесенку на полку и взобралось по ней, медленно, подобно насекомому, остановив-

шись на полпути, чтобы обернуться через плечо и уставиться на Тревиса, и его глаза внезапно вспыхнули и засияли красным, прежде чем снова почернеть. И Тревису показалось, будто он увидел внизу твари покачивающиеся груди, изогнутые и острые, как серпы. Белое платье, которое Тревис находил в шкафчике, зацепилось, будто сброшенная кожа, за ноздри и тянулось за тварью. Оказавшись на узкой полке, она повернулась на четвереньках.

Тебе нравится то, что видишь?

Оно говорило, не шевеля ни челюстями, ни губами.

Воспоминания, чудовища, они в твоей крови, а их лица мы видим, когда смотримся в разбитые зеркала. Иди ко мне, Тревис, любовь моя. Иди ко мне, давай посмотрим друг на друга.

Голос, такой живой, такой чувственный, такой несоответствующий виду твари, которая его издавала. Тревис поднялся над собственной липкой кровью...

не твоей кровью, нет, нашей кровью, Тревис

...и снова пошатнулся.

Подойди.

Женоподобная тварь звала его к себе. Она подалась вперед, очутившись в голубом луче света, и он увидел ее лицо: серое, иссохшее, рассыпающееся, а потом язык вывалился из пасти и непристойно прокатился по губам.

Подойди, кровь моя, жизнь моя, родня.

Тревис взобрался по лестнице и рухнул на постель, весь

мокрым от пота и крови, и женоподобная тварь скользнула к нему, чтобы оказаться сверху, и, проведя хрупкими руками по его плечам, обняла за голову. Поласкала его щеку, поцеловала. От нее пахло алкоголем, сигаретами и гнилым мясом, и Тревис почувствовал, как шелушащаяся кожа твари прижалась к его собственной, и как руки нащупали ремень, расстегнули пряжку, потянули за нее.

Т-Р-Е-В-И-С.

Она рассмеялась, и все тело нависшей над ним твари было грязным и гнилым, а когда она открыла рот шире, он увидел старые неровные зубы, ряд за рядом – точно у акулы. Глаза у нее горели.

Кого ты сейчас видишь, Тревис? Кого?

Его голос переменялся – это была та, кого он слышал раньше...

Тревис? Так тебя зовут?

...за мгновение до того, как он обхватил ее горло ремнем. Женщина с темными волосами и шрамом над губой, где ее порезал бывший, и глазами, сверкающими, как у зверя перед несущимся на него грузовиком, но голос твари снова стал другим, как у той, темноволосой, и как у последней...

Мне нравится это имя, Тревис

...милые красные губки, а потом как у третьей...

О Тревис, пожалуйста, да, Тревис

...а эта была так похожа на девушку, которая купила ему ремень на ярмарке, когда ему было шестнадцать, и он взял

ее за грудь, а она запачкала кровью сиденье в грузовике его отца...

Давай, давай, неужели не помнишь, как меня зовут, назови же мое имя, Тревис, скажи, скажи

– Рю, – выдохнул он. – Рю.

Тварь улыбнулась, и он услышал звук, похожий на копошение жирных бурых червей в сырой земле, и наконец вспомнил.

Звезды на небе.

Ее руки, сложенные на столике, остальное тело – в тени.

Ремень был затянут вокруг его ноги, чуть выше колена.

И она, тварь по имени Рю, скользнула вдоль его тела, взяла его нож и рассекла плоть его бедра, а он закричал...

в темноте, на пропитанных его кровью простынях, умирая, чувствуя, как жизнь покидает твое тело, ты и сможешь увидеть свое истинное лицо, не незнакомца, не вора, а свое, и обретишь все, что когда-либо терял

...и теперь он проснулся с ощущением крови во рту.

По-прежнему сидя за столом, положив голову себе на руки, он почувствовал запахи отбеливателя, гамбургера, желчи, крови и чего-то еще – гнилого фрукта? Поднял голову и увидел, что его щека была испачкана в крови, которой его стошнило. Стол стал липким. Часть крови попала ему на футболку и засохла на груди. Он кое-как поднялся и, зайдя в туалет, посмотрел на себя в разбитое зеркало. На него уставилось испачканное существо, разбитое на три осколка,

призрак с крошечными черными глазками с желтыми зрачками. Впалые щеки потрескались, как засохшая грязь. Зубы неправильной формы, выпирающие десны.

«Мое истинное лицо», – подумал Тревис.

Он издал хриплый крик и врезал кулаком по последним остаткам стекла – те засыпали раковину и пол, на костяшках пальцев у него выступила кровь. Выскочил из уборной и ударил по двери шкафчика – дешевое дерево разбилось в щепки. Тревис рухнул на колени и пожелал, чтобы вся его ужасная жизнь оказалась лишь дурным сном, от которого он вот-вот проснется, и все его существование окажется слабым огоньком, который можно погасить одним щелчком. И чтобы в этот момент пробуждения его щеки коснулись теплые, живые, настоящие губы, и голос матери позвал его:

– Хочешь потанцевать с мамочкой? Идем, малыш. Идем потанцуем.

Тело – твердое, резкое – вдруг прижалось к его спине, мягкое дыхание коснулось обнаженной плоти на его шее.

Теперь ты мой, Тревис. А я твоя.

Она запустила ему в волосы свои пальцы – не мягкие, а иссохшие, костлявые и твердые, как выделанная кожа.

«На этот раз, – вспомнил он свою мысль, – на этот раз все будет по-другому».

Так и вышло.

Его трясло так, что он не мог встать на ноги.

Она помогла ему. Он почувствовал, как ее руки поднима-

ют его, как прежде, и крепко зажмурился, пока не оказался на спальной полке. Она, перенеся его, помогла раздеться, медленно, любя, и касавшиеся его пальцы были мягкими и нежными, пока он не открывал глаза. Они лежали бок о бок в тесной темноте, и она рассказывала ему всякое – то, что ему требовалось знать и что требовалось сделать. Она объяснила ему, что все стало по-другому, что потерянное было найдено, что рассвет – это ложь, а ночь – благо, и все, что она говорила, прежде казалось ему невозможным в этом мире, даже при всех его кошмарах, что являлись ему во сне. Но не успела пройти ночь, существо по имени Рю его покинуло, и он лежал, дрожа и думая о тех одиноких часах, когда перед ним был выбор, ни один из вариантов которого уже не будет ему доступен.

Вторник

7 октября

В предрассветном сумраке Аннабель увидела его в поле по другую сторону шоссе, когда взглянула на солнце, поднимающееся над горами на востоке. Ковбой стоял в свежей джинсовой рубашке с закатанными рукавами и плотно застегнутыми пуговицами. Руки он засунул в карманы, скрыв из виду, но повязок на лице у него не было. Поверх рубашки на нем была джинсовая куртка. На голове сидела черная шляпа.

Тонкая золотая полоса протянулась вдоль холмов, вся долина впереди залилась серостью. Аннабель, попивая кофе, наблюдала за ним с крыльца фермерского дома. Спустя некоторое время ушла на кухню, где взяла с полки керамическую сахарницу своей матери. Поставила ее на стол и достала двадцатидолларовую банкноту Билли Калхуна. Положила в карман халата. Вернула сахарницу на место и направилась в поле.

Тревис смотрел на небо. Солнечный свет просачивался, будто кровь сквозь ткань, и оставалось недолго до того, как он запятнает все вокруг. Тревис оглядывался по сторонам,

смотрел вдоль шоссе, через поля юкки и мескита. На голую долину, протянувшуюся между гор.

«Идти некуда», – подумал он.

Он пролежал всю ночь без сна, прислушиваясь к тому, как его внутренности издают шумы, будто меняющие свое положение бревна нового дома.

«Ты не умираешь, – прошептало ему существо по имени Рю, перед тем как померкнуть, как избавить его тело от своего веса и исчезнуть. – Ты уже мертв».

– Привет, – поздоровалась женщина у него за спиной.

Она стояла в считанных футах, подойдя бесшумно в голубом халате и держа в руке оранжевую кружку кофе. Кружка была фирмы «Фаеркинг» – он помнил ее с детства.

– Красиво, да, – сказала женщина, указывая на небо цвета спелой сливы. – Как ты?

– Лучше, – солгал он.

– А вид такой, будто с ума вот-вот сойдешь.

Он не ответил.

– Куда поедешь?

Он посмотрел в ту сторону, где было все еще темно.

– Думаю, дальше на запад.

Она молчала, будто желая что-то сказать, но не знала как. Тишина повисла между ними, и только ветер дул над равнинами да слышался слабый шум грузовика, переключающего передачи где-то вдали.

Наконец она решилась:

– Здесь еще много работы. Тому мало что удалось сделать после того, как заболел. – Она сделала паузу, подбирая слова, но не смогла, поэтому просто отпила кофе.

Тревис посмотрел на нее. Ветер прижимал халат к ее телу, обводя изящную фигуру. Она красивая, подумал он, но худая. Он чувствовал тревогу в груди – чувство, которому не знал названия и которого не испытывал к женщине очень давно. Испугавшись этого, он отвернулся обратно к рассвету.

– Что с ним случилось? – спросил он.

– Рак.

Тревис кивнул.

Женщина залезла в карман халата и, достав сложенную купюру, протянула ему.

– Здесь немного, – сказала она, – но может тебе помочь.

Он не взял.

– Пожалуйста, – сказала она.

Он даже не двинулся в сторону денег. Лишь смотрел себе на запад, в ночь. На немногие оставшиеся на виду звезды.

Она продержала купюру еще несколько мгновений, после чего сунула ее обратно в карман.

– Я не хочу тебя обидеть, – сказала она.

– Я и не обижаюсь, – ответил он.

Снова молчание, а потом она заговорила, и Тревису показалось, что она говорит, как женщина, пережившая большое горе. Слова ее звучали ровно, медленно, размеренно.

– После того как я постучалась к тебе тогда в воскресенье, – сказала женщина, – меня крестили. Говорят, будто я выпустила Иисуса в свое сердце. Хотя мне кажется, он скорее вошел туда по своей воле. – Она сделала еще глоток кофе.

Тревису отчего-то подумалось о мужчине по имени Карсон, о котором он не вспоминал много лет. Тот поджег целые джунгли факелом, который нес на спине. Там не было хороших людей. Нет, ни одного.

– Я не крещеный, – сказал он. – Хотя сейчас, может, мне этого и хотелось бы.

– Придите ко Мне все страждущие и обремененные, и Я успокою вас¹³, – проговорила женщина с улыбкой. – И накормлю в кафе. – А потом добавила: – И буду платить что-нибудь раз в неделю. Если захочешь остаться.

– В кафе, – повторил он, после чего уселся на корточки и поковырялся в камнях под ногами, подняв останки костей какого-то зверька. Спустя мгновение встал и отшвырнул их, потом отряхнул руки. Между камней пробежала сороконожка и исчезла в траве. – Вы не знаете, о чем просите, – сказал он ей.

– Думаю, знаю, – ответила она.

И, сказав это, ушла и оставила его одного.

Тревис беспомощно наблюдал за тем, как с востока хлынуло солнце, окатив своим ужасным светом равнины, арройо и сухие ручьи. В этом золотом потоке он увидел собственную

¹³ Евангелие от Матфея, 11:28.

мрачную судьбу, понимая, что ничего хорошего впереди его уже не ждет.

П. Рю

Борго, Оклахома

Весна 1935 г.

– Ветра нет, – говорит ей брат Джон, стоя на крыльце рядом с ней в предвечернем свете. Колокольчики из жестяных банок, висящие на карнизах, не шевелятся, а верхушка бурого дуба топорщится, как соломенный веник. Мельница на краю участка тоже неподвижна.

– Когда еще было так тихо? Руби?

Она не отвечает. Вместо этого кладет руку на округлое плечо мальчика и сжимает его, не сводя глаз с горизонта, где по стелющимся равнинам тянется двухполосная грунтовка, чтобы слиться с темнеющим небом. Она наблюдает за северным пригорком, из-за которого в ближайший час, мерцая заходящему солнцу треснутым стеклом, должен появиться грузовик.

– Как думаешь, па успеет, пока не начнется? – спрашивает мальчик.

– Может быть. Но нам лучше быть готовыми к тому, что

не успеет. Выйди в амбар и помоги Мэттью со ставнями.

— Есть. — Мальчик спрыгивает с крыльца и рысью устремляется через двор.

Она касается медальона у себя на шее — медальона своей матери, подаренного ей отцом после того, как матери не стало прошлой зимой. Внутри него фотографии ее самой и старшего брата, Мэттью. Вдалеке, на фоне пурпурного неба, она видит мужчину, бредущего вдоль дороги в их сторону. Еще один голодный рот из Шони или Форт-Смит. Еще одна душа, ищущая работу и кров, полагаясь на слухи. Кто-то высокий и худой, в цилиндре. Силуэтом напоминающий Авраама Линкольна.

«Да поможет вам Господь, — думает она, — не угодить в ловушку того, что грядет».

Она обходит дощатый дом снаружи, закрывая ставни и запирая их, думая про себя, что если ветер подует так сильно, как говорят в Бивере, то никакой крюк или засов их не удержит. Дом, как и земля, на которой он стоит, видал и лучшие времена. Доски давно утратили свою краску, лишь несколько пятен сохранилось на карнизах и по углам, под подоконниками. Остальное стерло время. Даже раствор между кирпичами, из которых сложен дымоход, обратился в пыль.

Закрыв ставни, она возвращается на кухню и помешивает в кастрюле тушеную говядину, которая кипела на плите. Вскоре входят Мэттью с Джоном: старший — высокий, стройный и поджарый, под поношенным комбинезоном видны му-

скулы, младший – руки в карманы, на одном из его чрезмерно больших полусапог развязан шнурок.

– Все сделали, – сообщает Мэттью. – Сегодня он не вернется. Из-за бури не поедет.

– Если он ее слышал, – говорит она.

– Слышал. И наверняка уже видел.

– Может, пригонит ее домой, – говорит Джон.

Руби протягивает дымящийся ковш с тушеным мясом.

– Хлебни-ка.

Джон берет ковш обеими руками и отпивает. Она опускается на колено и завязывает ему шнурок.

– Не стоит тебе разносить эту грязь по дому, Джон Гудвин, – говорит она.

Мэттью засовывает руки в карманы комбинезона и выглядывает в окно. Всматривается между ставнями.

– У па нет шансов. Он не дурак. Придется им спрятать того теленка и закрыться. Брат Джордж не позволит ему ехать в бурю.

– Ты и сам, братик, не глупый, Мэттью Гудвин, – говорит она, подходит к нему сзади и касается его густых темных волос над загривком, вплетает в них пальцы.

– Пока па нет, хочешь поиграть во взрослых? – спрашивает он. Он не улыбается, но в его голосе слышна веселая нотка. Он говорит так тихо, что их брат, продолжающий пить бульон из ковша, этого не слышит.

– Почему тебе нравится говорить так грубо? – говорит

она.

– Давайте уже есть, – зовет Джон, стоя у плиты.

– Разбуди своего младшего брата, и пусть тоже идет, – ука-
зывает она.

Мальчик кладет ковш рядом с плитой и входит в спальню,
которую делят трое братьев.

– Руби, – зовет Мэттью тихо.

Она берет его за предплечье, чуть выше локтя, и чувствует
его теплую и твердую плоть.

– Грех, – говорит он, – как он есть. Если па когда-нибудь
узнает, не знаю, что он сделает.

– У меня ребенок, – говорит она.

В другом конце комнаты, на сосновой полке над камином,
отсчитывают секунды фамильные часы. Из спальни слышно,
как Джон разговаривает с Люком, младшим братом, как он
говорит ему надеть рубашку, а Люк бормочет свои вопросы,
некоторые – связные, другие – совсем бессмысленные. Не
считая этого, в их фермерском домике стоит самая оглуши-
тельная тишина за все времена – даже считая день, когда их
мать лежала перед очагом в сосновом гробу.

Мэттью – с обмякшим, побелевшим от страха лицом –
открывает рот, намереваясь заговорить, но прежде чем он
успевает что-то сказать, раздается стук – будто сердцевина
сосны затрещала на костре.

У Руби на глаза навернулись слезы, она отняла руку от
брата.

Оба смотрят на дверь.

– Все-таки вернулся, – говорит она, вытирая глаза.

Еще стук, три уверенных удара.

– Возьми себя в руки, – указывает Мэттью. – Потом поговорим. – Он направляется, чтобы ответить на стук, но останавливается. Оборачивается и касается ее щеки – она запомнит это на долгие годы, его последний жест, самый нежный и заботливый из всех. Он проходит кухню и – ровно в момент, когда раздастся еще три стука, крепкими костяшками по мягкой сосне, – открывает дверь.

Она вытирает глаза передником и видит, через сетчатую дверь, мужчину, но это не ее отец. Это тот бродяга с дороги, с черным цилиндром в руке и сверкающей лысой макушкой. Он тихо обращается к Мэттью, но Мэттью ничего не отвечает, а стоит, выпрямившись и держа руку на двери, не открывает сетку. Она сразу понимает, что это за человек, бледный и изможденный, не похожий на остальных, кто пересекал этот порог ради супа и воды. Этот другой. Худой и потрепанный, верхняя пуговица на рубашке расстегнута. На цилиндре с одной стороны разошелся шов, и он зияет, будто отвисший рот. Она входит в проем кухни и опирается на раму, скрестив руки, и видит, что мужчина стоит в потрепанном пиджаке, носки его ботинок отклеились от подошв, но ухмылка на вытянутом, узком лице будто намекает: это все какая-то затейливая маскировка, какая-то шутка. Он смотрит поверх плеча Мэттью и, продолжая говорить с мальчи-

ком, подмигивает ей. Улыбка его отвратительна.

– Кто это? – спрашивает Джон из-за ее спины. Он стоит за ней и держит Люка за руку. Люк, ему всего четыре, наблюдает, засунув в рот большой палец.

– Идите в спальню, – приказывает она. – Уходите, закройте дверь и не выходите, пока сама вас не позову. Слышите? Джон кивает и увлекает малыша за собой.

Снаружи поднимается ветер, распахивая ставни на окне в гостиной. За ним, на горизонте, она видит что-то похожее на огромное темное облако. Низкое и беспокойное, оно быстро приближается.

– Тут сейчас все разнесет, – замечает мужчина из-за сетчатой двери, говоря это Мэттью за плечо, с неподвижной улыбкой. – Там у вас супом пахнет?

Мэттью поворачивается и смотрит на нее, взгляд у него странный и отрешенный. Он, будто лунатик во сне, тянется к крюку, отпирающему сетку.

– Нет, – возражает она, желая закричать, но выходит лишь шепот.

Крючок выскальзывает из защелки.

Бледный человек открывает дверь и входит в кухню, мимо Мэттью, который закрывает за ним дверь.

– Спасибо, сэр, – говорит он, не сводя глаз с Руби.

Ей не нравится, как звучит голос этого незнакомца. Он высокий и тонкий, и хотя улыбка его дружелюбна, в глазах стоит холодный блеск.

«Он сам дьявол, — думает она. — И он пришел за наши грехи».

Улыбка незнакомца становится шире, и Руби слышит голос у себя в голове — мужской голос, его голос, догадывается она, хотя его губы остаются неподвижны.

Да, маленькая. Сладкие грехи.

Застыв на кухне, она вздрагивает от воспоминания, которое незнакомец будто вынимает из ее разума и сердца, — о ее величайшем стыде, о той ночи, когда они с Мэттью принимали роды у собаки в амбаре, а потом лежали на чердаке, любуясь звездами и стараясь забыть о тяготах наступающего дня. О том, как она читала любовные стихи в книжке из библиотеки, весь этот вздор. «Я тут не все понимаю, — призналась она, листая книгу, — хотя другие понимают. Что-то я просто чувствую. Вот тут». Она взяла руку Мэттью и прижала к своему сердцу. «И тут, — сказала она и сдвинула его руку ниже, к своему животу. — И тут». Еще ниже. Это казалось таким естественным и таким скорым после ухода матери, при щенятах, сосущих свою мать на нижнем уровне амбара, — перекатиться в его объятия...

На дом обрушивается грохот, и окно гостиной взрывается. Руби кричит, и Джон в спальне тоже.

Мэттью выкрикивает имя Руби.

Дом погружается во тьму.

Она чувствует, как земля с песком впивается в ее голые руки и лицо, пока она идет по коридору к гостиной. Двига-

ясь на ощупь, она ударяется голенью о швейный стол матери – за которым та шила себе одежду на лето, платья из лоскутков ткани, дешево купленной в городской лавке. Она достигает ставен, надеясь закрыть их от бури, и тогда слышит крик Мэттью. Пронзительный, полный ужаса. Она зовет его по имени, перекрикивая рев, словно товарный поезд, сотрясающий стены и половицы. Она прощупывает в темноте стену, пока ее кулак не смыкается на дверной ручке – чулана у передней двери, где, помнит она, ее отец хранит дробовик, которым отпугивает людей из банка, только он не держит его заряженным. Как только она оказывается внутри, дверь захлопывается в кромешной тьме, и она не видит даже полок, пусть на них все равно лежит только каменная соль. Она шарит по полке над головой в поисках керосиновой лампы и коробка спичек. Она знает, где те хранятся, всегда рядом, всегда поближе к стене. Присев на стопку запасных дров, ожидая, пока привыкнут глаза, она чиркает спичкой и зажигает фитиль – и в разлившемся маслянистом свете накрывает фитиль колпачком, чтобы сбавить пламя.

Чулан распахивается настежь.

Она держит лампу, и свет отбрасывает огромную и скрюченную тень бледного незнакомца на потолок. Он ухмыляется ей, зубы у него такие белые, каких она в жизни не видела. Он стирает красноту с лица тыльной стороной ладони, пока в комнате позади него бушует пыль с песком.

– У тебя и твоего брата просто восхитительные тайны, –

говорит он.

Он протягивает руку и хватает ее за запястье, у нее учащается пульс. Он рывком поднимает ее на ноги и тянет к себе. От него неприятно пахнет, когда он вытаскивает ее из чулана, отнимает лампу, а дом трещит и стонет под весом темного облака, грохочущего над ним.

Незнакомец ведет ее в коридор, воздух здесь такой плотный, удушающий. Она краешком глаза замечает тело на полу кухни, ноги в комбинезоне...

Мэттью, о, Мэттью, нет

...и вот он тащит ее в спальню, где Джон с Люком ютятся в кроватке, старший брат обхватывает руками младшего.

Бледный, не выпуская ее запястья, улыбается кровавой улыбкой, его рот выглядит щелью с зубами на лице, которое в свете фонаря напоминает гниющий череп, обтянутый кожей. Она стоит, застыв от ужаса. От прикосновения бледного. И от его голоса.

– Позволь мне кое в чем тебе признаться, дитя, в том, о чем твое неопытное сердечко уже догадалось, – говорит он. – Я призрак в этом старом мире. Мой якорь здесь – это кровь. – Он проводит ногтем указательного пальца правой руки поперек ее горла, и ноготь у него длинный, желтый, испачканный чем-то черным и плохим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.